

**«Мы живем в совсем особенной атмосфере...»:
Письма Михаила Карповича Георгию Вернадскому, 1909-1917 г.**

Предисловие, публикация и комментарии М. М. Горинова-мл. и М. Ю. Сорокиной

Русские годы Михаила Михайловича Карповича (1888-1959), одного из выдающихся представителей российской диаспоры в США и основателей «Нового журнала», профессора русской истории Гарвардского университета, совершенно неизвестны в литературе¹. Удивительно, но они никогда не были предметом интереса исследователей ни в США, ни в России. По умолчанию считается, что формула «историк по образованию» и указание на принадлежность к исторической школе Московского университета (В. О. Ключевский, М. М. Богословский и др.), а также документально не проясненная близость к эсерам, исчерпывают основное содержание жизни молодого Карповича. Между тем в США он приехал почти тридцатилетним, вполне сложившимся человеком с многообразным опытом интенсивной общественной и научной деятельности в предреволюционной Российской империи. За плечами были обыски и аресты, семейные драмы и романтические увлечения, многочисленные дружеские связи и контакты в различных интеллигентских и интеллектуальных кругах по всей России; напряженная партийная, научная, философская, публицистическая и даже журнально-редакторская работа в Москве и Петербурге. Так что вряд ли можно согласиться с известной исследовательницей, полагающей, что «в Америке происходило становление его как историка, в Америке у него появилась семья, здесь родились его дети, в Америке он получил известия о смерти отца, потом матери. В этой стране сложились его дружбы»².

Научная биография М. М. Карповича пока не написана, и его эпистолярный тифлисско-московско-петербургского периода, прежде всего письма близкому другу со студенческой скамьи Георгию Владимировичу Вернадскому (1887-1973), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), имеет исключительное значение как для изучения биографии историка, так и для понимания той интеллектуальной атмосферы и среды, в которой происходило его гражданское и научное становление.

Георгий Вернадский вспоминал, что быстро подружился с М. М. Карповичем: «Талантливый и обаятельный человек, Миша был необыкновенно общителен. У него были друзья в самых разнообразных кругах»³. Эпистолярный диалог и преданная дружба молодых историков, возникшие на рубеже 1910-х годов, оказались длиною в жизнь. Первое известное нам письмо Карповича Вернадскому датировано 28 января 1908 г., последнее письмо Вернадского Карповичу – 17 сентября 1959 г.

Польские и грузинские семейные корни, русский католический Тифлис, деятельность студенческих обществ, впечатления от зарубежных поездок, эстетические пристрастия, Москва как центр демократической оппозиции бюрократическим имперскому Петербургу, однокурсники и друзья (сестры Шаховские, Михаил Шик, младшие Ольденбурги и Вернадские, братья Терентьевы и др.), независимая московская пресса и ее внутриредакционная жизнь, рецепция Балканских и Первой мировой войн - все эти и многие другие темы и сюжеты, затронутые в публикуемых

письмах, открывают совершенно неизвестный пласт жизни М. М. Карповича, тесно связанный с его дальнейшей общественной и профессиональной карьерой⁴. Глубоко личное измерение этого времени историк определил в письме Г. В. Вернадскому в 1921 г. из США: «За эти четыре года, что я живу здесь (из них я около семи месяцев – в два приема, в 1919 г. и в начале этого года – провел в Париже), я, конечно, встретил очень много людей – и русских, и американцев, в том числе много интересных, хороших или просто милых людей; приобрел много знакомых и приятелей, но ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего дорогие моему сердцу московские отношения, судьба мне не послала»⁵.

Письма М. М. Карповичу Г. В. Вернадскому за 1919-1925 г. впервые опубликованы Марком Раевым в «Новом Журнале» еще в 1992 г. Они были извлечены из личного фонда Г. В. Вернадского в Бахметевском архиве Колумбийского университета США. Публикуемые ниже письма 1909-1917 г. имеют другое происхождение⁶. Они сохранились в той части архива семьи Вернадских, которая и после 1917 г. оставалась в России. После кончины отца Г. В. Вернадского, академика В. И. Вернадского в Москве в январе 1945 г., по его завещанию, архив поступил в Московское отделение Архива Академии наук СССР и составил фонд № 518 (В. И. Вернадский). В ноябре 1948 г., в период борьбы с «космополитизмом», из этого фонда были изъяты материалы сына и дочери академика, документы Партии народной свободы (конституционно-демократической), а также письма академика к «одиозным лицам», т. е. репрессированным советским государственным деятелям. По распоряжению Главного архивного управления МВД СССР эти документы были переданы на закрытое хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР и СС СССР / ЦГАОР СССР), ныне ГАРФ. В дальнейшем материалы Г. В. Вернадского, в том числе письма М. М. Карповича, были выделены в отдельный фонд и хранятся ныне как личный фонд Г. В. Вернадского (№ 1137).

Публикуемые письма - лишь часть значительного комплекса эпистолярного диалога М. М. Карповича и Г. В. Вернадского, который, безусловно, заслуживает отдельного монографического издания. Надеемся, что со временем нам удастся осуществить их полную публикацию. Считаем своей приятной обязанностью поблагодарить С. М. Карповича и Г. М. Иноземцева за помощь в работе, а также выразить признательность руководству ГАРФ за разрешение опубликовать материалы из фонда Г. В. Вернадского.

М. М. Горинов-мл., М. Ю. Сорокина

1. См. наиболее важные русскоязычные статьи и публикации последних лет: Письма М. Карповича Г. Вернадскому / Публ., пред. и комм. М. Раева // Новый Журнал. Кн. 188. 1992; Раев М. М. М. Карпович: русский историк в Америке // Там же. Кн. 200. 1995; Письма П. Н. Милюкова М. М. Карповичу / Публ. М. Раева // Там же. Кн. 208. 1997; Бирман М. А. М. М. Карпович и «Новый Журнал» // Отечественная история. 1999. № 5, 6; Раев М. М. М. Карпович и его «Комментарии» в «Новом Журнале» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература (Реферативный журнал. Сер. 7. Литературоведение). М., 2001; Гуль Р., Карпович М. Письма о «Новом Журнале» / Публ. В. Крейд // Новый Журнал. Кн. 226. 2002; Болховитинов Н. Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005; Калашников М. Минувшее / Публ. К. Ясновой // Новый Журнал. Кн. 241-242. 2005-2006; Зейде А. Михаил Карпович и русская историография в Америке // Там же. Кн. 253. 2008; Адамович М. М. М. Карпович и «Новый Журнал» // Там же. Кн. 266. 2012; Норман Г. О. Перейра. Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 7-23. См. также интересный источник о жизни семьи Карповичей: Александр Евгеньевич Пресняков: письма и дневники, 1889—1927. СПб., 2005.

3. Зейде А. Михаил Карпович и русская историография в Америке. С. 124.

4. Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 134.
5. Письма М. Карповича Г. Вернадскому / Публ. М. Раева. С. 268.
6. Подробно см.: Сорокина М. Ю. Ученые и архивы: к истории «архивного наследия» В. И. Вернадского // Архив Академии наук – достояние национальной и мировой науки и культуры. Материалы международной научной конференции. Москва, 10-14 ноября 2008 г. М., 2009. С. 393-394.

М. М. КАРПОВИЧ – Г. В. ВЕРНАДСКОМУ

Кобрин, 3 / 16 августа 1909 г.

Дорогой Георгий Владимирович!

Сажусь писать Вам с весьма небольшой надеждой на то, что это мое письмо дойдет до Вас. Лето близится к концу, и вы могли уже уехать из Мюнхена. Но очень уж захотелось мне написать Вам. Положусь на Провидение и на немецкую почту и пошлю письмо все-таки в Мюнхен.

Не писал Вам раньше потому, что находился в настроении, весьма неблагоприятном для писания писем, вообще для каких бы то ни было начинаний. Вся первая половина лета – июнь и часть июля – прошла у меня самым нелепым образом. Приехавши в конце мая, или в первых числах июля – точно не помню – в Тифлис, я оставался там до 10-го июля. Все это время прошло в томительном ожидании, в душевной суете, в полном безделье. До самого отъезда из Тифлиса я не знал, что со мной будет, уезжаю ли я на Север, или остаюсь на Кавказе, когда еду, куда еду – в Тульскую ли губ., или сюда, в Гродненскую, или в Петербург¹. Вы понимаете, что это должно томить и нервировать. Меня это развинуло совершенно. Потом началась в Тифлисе отчаянная жара, которая заставила меня совсем расклеиться. На неделю выезжал я в горы, к знакомым, а прочее время провел в проклятом Тифлисе в полном, повторяю, безделье. До книг не дотрагивался, ничем не занимался.

В результате я охладел к югу. В этот свой приезд в Тифлис я ясно почувствовал, что большей частью своей души я принадлежу не Кавказу, где родился и жил до 18-ти лет, а русскому Северу, Москве. О Москве, об университете, занятиях, о нашем (теперь уже смело могу написать «нашем») обществе², которое успело стать дорогим, думаю со светлой радостью как о месте успокоения душевного. Мысли эти сливаются в одно с мыслями или лучше с чувствами северной зимы, снегов, мороза и еще с одним огромным, очень смутным и нелепым, но столь нужным, столь дорогим чувством России, прекрасной родины, которую не знаешь, но которую уже начинаешь любить по-настоящему.

Здесь, в Гродненской губ., в имении у знакомых (под уездным городом Кобринным)³ живу скоро три недели. С Кавказа ехал сюда через Батум-Одессу, т. е. часть пути совершил по морю. Уже на пароходе ожил от моря, прохлады, тишины, а здесь и совсем пришел в себя. Здесь очень хорошо. Природа кругом бедная, однообразная: все ровно, гладко. Верст за 20 начинаются большие леса, ведь недалеко беловежская пуща. Но здесь в окрестности большого леса нет, кое-где среди полей разбросаны клочки небольшого леса. Но и в этом однообразии есть своя красота: хорошо выйти за ворота вечером, когда только что село солнце. Далеко гулять не хожу, мне приятнее быть в усадьбе. Вокруг дома большой и хороший сад, дом уютный, просторный. Много хороших книг (Пушкин, Тургенев, Чехов), хороший рояль – и со мной мои ноты (играю «Садко»⁴, иногда вас вспоминаю и Нину Владимировну⁵ – так, кажется). Хозяева, люди

мне не близкие, очень тактичны: оставляют мне мою свободу. Независимость, тишина, спокойствие, прохлада – больше мне сейчас ничего и не нужно.

Здесь только и начал заниматься. Конечно, все гордые планы о занятиях греческим языком, о подчитывании к зимним семинариям пришлось оставить. Мне лишь бы к colloquium'am подготовиться. Вы понимаете также, что я ничего не сделал и для общества. Не только что никакого реферата не надумал, но даже и о плане работ нашей секции не было времени подумать (протоколов не привел в порядок!). Признаться, сейчас об этом плане работ в голове – никаких мыслей, хоть шаром покати.

За все лето было два просвета в смысле «оживления мозгов»: в самом начале своего пребывания в Тифлисе, когда я еще не успел раскиснуть, прочел, наконец, «Вехи»⁶. Я решительно за «Вехи»! Скажу так: нового они мне дали очень мало, я все это, или почти все это знал, вернее чувствовал. Именно поэтому они так и обрадовали меня, эти статьи: понимаете, я услышал из авторитетных и талантливых уст подтверждение тому, что сам прочувствовал за два этих года. Мне кажется, что оценить всю правду «Вех» может только тот, кто имеет в прошлом некоторые биографические подробности вроде тех, что я имел⁷. Вам труднее оценить эту правду, нежели мне. Мережковский⁸ совсем понять не может – нутром понять, ибо он не страдал той болезнью, которая обличается в «Вехах». Это книга для меня написанная, почти мной написанная. Но так как я не урод, так как я знаю множество себе подобных, то книга эта и для многих, косвенно – для всех. Об этом поговорим подробнее при встрече.

Другой просвет: Чаадаев, прочел здесь книгу Гершензона⁹. Не столько сама книга, сколько сочинения самого Чаадаева, приложенные к книге, поразили меня. Конечно, я с ним почти во всем не согласен, самое настроение его для меня мало близко и понятно, но я поражен силой этого огромного таланта. И человек был, по-видимому, огромный.

Какие мы невежды! (Впрочем, не могу писать о Вас, не знаю). Вот дожил я до 21-го года и знал о Чаадаеве только то, что был он другом Пушкина и что, по слухам, с него писан Чацкий. А чего я еще не знаю: о славянофилах почти никакого представления! Многого не знаю у Герцена. Совсем не знаю, например, что такое Одоевский¹⁰! Да что считать!

Если бы у нас не было так много секций, я бы предложил еще одну секцию – познания России: как мысли ее писателей, философов, так и народного творчества, быта, наконец, этнографии, географии. Летом экскурсии по России и т. д. и т. д.

Ну, надо кончать письмо. Сейчас «оказия» едет в город. Я уезжаю отсюда: числа 10-го в Петербург, где буду я до конца августа; 23-го в первых числах сентября буду в Москве.

Петербургский адрес: Надеждинская, 11, кв. Преснякова¹¹, мне. Если письмо дойдет до Вас, если соберетесь и поспеете ответить, то пишите о себе, о своих занятиях, о впечатлениях (воображаю, каких дел вы натворили за лето!), о знакомых, о планах.

До свидания. Хочется Вас увидеть поскорей. Жму Вашу руку. Нине Вл[адимировне] привет. Если знаете, где Шишки¹², то очень им кланяйтесь.

М. Карпович

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л.18-21 об.

1. По-видимому, эта неопределенность была связана с арестами близких знакомых М. М. Карповича летом 1909 г.

2. Имеется в виду Студенческое историко-филологическое общество при Московском университете. Организовано в 1902 г. при содействии профессора С. Н. Трубецкого, позднее – первого выборного ректора университета. После его кончины в 1905 г. общество носило его имя.
3. Имение принадлежало Северину Феликсовичу Новомейскому.
4. Опера «Садко» композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова (1844-1908).
5. Здесь и далее Нина, Нина Владимировна – Нина Владимировна Вернадская (ур. Ильинская; 1884–1971), с ноября 1908 г. жена Г. В. Вернадского, его троюродная сестра. Окончила Императорский Еленинский институт в СПб. (1908), отделение всеобщей истории историко-философского факультета московских Высших женских курсов В. И. Герье с дипломом 1-й степени (1910); кандидатское сочинение посвящено истории Якобинского клуба (Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документов до 1917 г. (далее – ЦГАМ. ЦХД до 1917). Ф. 363. Оп. 4. Д. 12082). Публикации ее архивного наследия см.: Нина Вернадская. Записки обывательницы / Публ. и прим. М. Ю. Сорокиной // «Диаспора»: Новые материалы. Вып. 3. – Париж; СПб., 2002. С. 629–640; «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского / Публ. и прим. М. Ю. Сорокиной // Там же. Вып. 6. – М.; СПб., 2004. С. 623-635.
6. «Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции» издан в Москве в марте 1909 г. группой публицистов и философов, выступивших против революции с позиций, близких кадетам.
7. Намек на сотрудничество с эсерами.
8. Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941) – писатель, поэт, религиозный философ.
9. Гершензон М. О. П. Я. Чаадаев: Жизнь и мышление. – СПб., 1908.
10. Одоевский Владимир Федорович (1803–1869) – писатель, философ, музыкальный критик.
11. Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) – историк, специалист по средневековой истории России. Дядя М. М. Карповича по материнской линии. Приват-доцент (с 1907), профессор Петербургского университета. Член-корреспондент Российской академии наук (1920).
12. Близкие друзья Г. В. Вернадского и М. М. Карповича – Михаил Владимирович Шик (1887–1937) и его жена княжна Наталья Дмитриевна Шаховская (в зам. Шаховская-Шик; 1890–1942). М. В. Шик – одноклассник Вернадского по 5-й московской гимназии. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, где занимался у С. Н. Трубецкого. С 1919 г. сотрудник Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры, был близок к о. П. Флоренскому, в эти годы посвящен в диаконы. Неоднократно арестовывался, расстрелян. Н. Д. Шаховская-Шик – дочь князя Д. И. Шаховского, близкого друга семьи Вернадских, писательница. Окончила женскую гимназию в Ярославле с золотой медалью (1906), отделение русской истории историко-философского факультета Высших женских курсов В. И. Герье в Москве (1908–1913). Автор книг о В. Г. Короленко, И. П. Кулибине и др.

Петербург, 27 августа 1910 г.

Дорогой Георгий!

Вчера получил открытку от Нины Вл[адимировны], в которой она пишет мне, что Вы уже в Вернадовке¹ и что вернетесь Вы оттуда, вероятно, раньше, чем предполагали первоначально. Последнее для меня очень приятно, т. к. хочется поскорее зажить вместе с Вами – хотя бы в некоторых отношениях «одною с Вами жизнью».

Здесь мне хорошо. Я почти нигде не бываю, мало кого вижу, но зато спокойно и бодро настроен, занимаюсь, много играю – преимущественно в четыре руки, кое-что почитываю. Как-то хорошо и с мамой беседуется в этот приезд.

Очень ценные впечатления вынес я из посещения Дмитрия Ивановича [Шаховского]² и Сергея Федоровича [Ольденбурга]³. У Дмитрия Ивановича был один раз. Сначала чувствовал себя немного неловко, но потом, когда разговор перешел на работу Дмитрия Ивановича, неловкость исчезла. Дмитрий Иванович много и очень интересно рассказывал про свою работу. По-видимому, он очень ею увлечен и работает над темой весьма основательно – как заправский ученый. Ушел я от Дм[итрия] Ив[ановича] в великолепном настроении, но больше к нему, вероятно, не пойду. Он меня не звал, да и как-то нет у меня уверенности, что посещения мои его не тяготят. В лучшем случае они для него безразличны, а поэтому не надо злоупотреблять его любезностью.

Вот Сергей Федорович – другое дело! У него я чувствую себя совершенно просто и очень хорошо. Может быть, и ошибаюсь, но с его стороны я ощущаю сочувствие, симпатию, интерес к моей личности. Я был у него 2 раза, пойду, вероятно, и третий раз – попрощаться. Всякий раз ухожу от него в прекрасном настроении. Столько он интересного рассказывает, столько в нем жизни, столько энергии! Диву даешься, когда только он успевает столько интересоваться! Во второй раз встретил у него старика Янжула⁴: фигура очень курьезная и характерная.

Но обо всем этом расскажу при свидании. Пока же скажу только, что эти впечатления для меня особенно ценны именно теперь. Я как-то всем существом своим ощущаю, что предстоящая зима решит очень многое в моей судьбе, поскольку она связана с университетом, с занятиями. Для занятий хочу собрать все силы, а ничто так не подвигает меня на этот «подвиг», как вот такие беседы и встречи с людьми, по-настоящему работающими.

Хочется собрать силы и для другой цели: для приведения себя всего в порядок, для установления «благообразия» в своей личной жизни. Меня все занимает мысль, что живем мы как-то ужасно неэкономно, бесхозяйственно. Массу сил тратим понапрасну, без толку. Сколько мыслей, чувств, пропадает без всякой для нас корысти! Людские отношения завязываются непрочно, не даем друг другу и сотой доли того, что могли бы давать. От природы, от искусства, от родины берем лишь маленькую, ничтожную часть того, на что имеем право. Вот я и хочу попытаться как-нибудь изменить это – в своей жизни. Было бы бесконечно хорошо, если бы наша квартира действительно, по-настоящему нас объединила⁵. Вместе наладить благообразие жизни легче, чем порознь. Нужно ли мне говорить Вам, что я чувствую Вас близким себе человеком и очень дорожу нашими отношениями? Но мне иногда обидно, что мы с Вами так мало реализовали из тех возможностей, которые заключают в себе наши отношения. Я выражаюсь туманно, но думаю, что вы меня понимаете. Вот, мне кажется, Нина Владим[ировна] выражает то же самое, когда говорит, что мы все друг с другом всегда только о пустяках разговариваем, а настоящих бесед не ведем. Конечно, это не значит,

чтобы надо было говорить «о человечестве», как того хотелось бы милому Феде [Ильинскому]⁶. Но что-то нужно изменить. Как-то надо увеличить интенсивность отношений, внимательность к людям, к жизни. Чтобы можно было в конце зимы, оглядывая минувшую жизнь души, торжествующими крестами отметить свои приобретения! На зиму возлагаю самые лучшие надежды.

В первый раз устраиваюсь я в Москве так, как это мне по душе. В первый раз могу сказать в конце лета, что провел его удачно. Если и при столь благоприятных условиях не сумею как следует провести зиму, то это будет для меня своего рода моральным поражением.

Я, вероятно, уеду отсюда 2-го, 3-го буду в Москве. Если вы вернетесь в Москву 15-го, то вряд ли Вам сразу придется ехать в Петербург. Кажется, как раз во второй половине сентября Лаппо⁷ будет в Берлине, на юбилее университета. А к октябрю он уже вернется.

Пресняков приезжает 31-го, так что я его увижу. Он все лето работал над «Очерком истории Сената в царствование Елизаветы»⁸. В результате – совсем не отдохнул и чувствует себя неважно. Состояние его очень всех нас тревожит. Он, безусловно, нездоров – переутомился, ему надо основательно отдохнуть, а обстоятельства складываются как нельзя более неблагоприятно.

На днях должна – по сведениям со стороны – приехать моя сестра⁹. Сама она ничего не пишет. Вообще она удивительная чудачка!

Ну, пока до свидания, Георгий! Целую вас, привет Владимиру Ивановичу, Наталье Егоровне и Ниночке [Вернадским]¹⁰. М. К.

P.S. В 8-ой кн. «Русского богатства» помещен рассказ «Красный уголек» – из впечатлений художника Вл. Фаворского¹¹. Не могу поверить, чтобы этот рассказ был написан Володей! Что-то совсем на него непохожее!

Радуюсь Фединым [Ильинский] удачам: приему в университет, а особенно – получению стипендии в университете.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 25-29.

1. Родовое поместье Вернадских в Моршанском уезде Тамбовской губ.

2. Шаховской Дмитрий Иванович, князь (1861-1939) – историк, публицист, исследователь творчества П. Я. Чаадаева. Один из основателей конституционно-демократической партии; член ее ЦК. Депутат и секретарь I Государственной думы. Министр государственного призрения Временного правительства (1917). Репрессирован.

3. Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934) – востоковед, один из основателей российской индологической школы, организатор и историк науки. Действительный член, непреходящий секретарь

Императорской Академии наук. Министр народного просвещения Временного правительства. Директор Азиатского музея – Института востоковедения АН СССР (1916-1934).

4. Янжул Иван Иванович (1846–1914) – экономист, статистик. Действительный член Императорской академии наук.

5. В это время М. М. Карпович, Г. В. и Н. В. Вернадские, С. С. Ольденбург, княжна Н. Д. Шаховская снимали общую квартиру в доме № 5 Снегиревой в Полуэктовом переулке в Москве.

6. Ильинский Федор Владимирович (1889/1890 – 1944) – троюродный брат Г. В. Вернадского, родной брат его жены. Окончил классическую гимназию в Туле (1910). С 1910 г. учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Получал стипендию Ф. И. Родичева. В 1911 перевелся на юридический факультет, который окончил в 1916 г. (ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 324. Д. 735).

7. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – историк, действительный член Императорской академии наук.

8. Исследование А. Е. Преснякова под названием «Правительствующий Сенат в царствование Елизаветы Петровны» издано во 2-м томе «Истории Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг.» (Т. 1-5. СПб., 1911).

9. Карпович Наталья Михайловна (в зам. Терентьева; 1886–1967) – родная сестра М. М. Карповича, жена авангардиста И. Г. Терентьева.

10. Семья Вернадских: Владимир Иванович (1863–1945) – отец Г. В. Вернадского, минералог, действительный член Императорской академии наук (1912), один из основателей и член ЦК конституционно-демократической партии, товарищ министра народного просвещения Временного правительства; Наталья Егоровна (ур. Старицкая 1860–1943) – жена В. И. Вернадского, мать Г. В. Вернадского; Вернадская (в замуж. Толль) Нина Владимировна (1898–1986) – дочь В. И. Вернадского, родная сестра Г. В. Вернадского. С 1922 г. жила в Праге, с 1939 г. – в США. Врач-психиатр.

11. Фаворский Владимир Андреевич (1886–1964) – художник, искусствовед, сценограф. Одноклассник Г. В. Вернадского по 5-й московской гимназии. Действительный член Академии художеств СССР (1962). Упомянутый рассказ см.: Фаворский Вл. Красный уголек (Из наблюдений художника) // «Русское богатство». 1910. № 8. С. 113-151; № 9. С. 155–190.

Петербург, 3 января 1911 г.

Дорогой Гуля¹!

Хоть мы и скоро увидимся с Вами, все-таки сажусь писать Вам. Петербургская моя жизнь приходит к концу: осталось мне быть здесь всего одну неделю. Я уезжаю 11-го вечером, значит, 12-го утром буду уже в Москве. О Москве помышляю с удовольствием. Петербург в общем не дал мне на этот раз того, что давал мне раньше: он меня не встряхнул, не прибавил мне бодрости, скорее убавил. Здесь у всех очень скверное настроение, все настроены пессимистически, со всех сторон только и слышишь о разных неприятностях. Университетская история² с ее последствиями тоже

чувствуется здесь как-то гораздо сильнее, нежели у нас в Москве. Словом, веселого мало.

Кроме того, мне мало пришлось видаться и говорить с людьми, которые меня интересуют. Дядю Саню [Преснякова] почти не видел: он занят, утомлен, в обществе почти не говорит и вообще подступиться к нему без определенного дела довольно трудно. Вероятно, о русской истории можно говорить с ним очень хорошо, но беда-то в том, что мне сейчас хотелось бы говорить с ним совсем о другом – о личных своих делах, и вот нет у меня уверенности в том, что лично я его сейчас могу интересовать в достаточной степени. Зато Б. А. Романов³ процветает. Он, между прочим, обещал мне отгиски своей статьи, которые я Вам и привезу.

Больше виделся я с Лапшиным⁴, который неизменно мил и бодр; но и с ним мы в былые времена лучше встречались: достаточно сказать, что мы с ним ни разу не музицировали, так складывались обстоятельства. Это уже последнее дело.

Между прочим, Лапшин слышал здесь реферат Эрна о русской и западной философии⁵ (повторение московского) и страшно возмущен им: «Такой реферат можно сочинить за 5 минут сидя в трамвае. Это изуверство какое-то. Не поздравляю Московский университет с таким приват-доцентом».

Между прочим, в театре встретил я Гессена⁶. Он тоже рассказывал мне про этот реферат и говорил, что Эрн был слабее, нежели в Москве. Лапшин примирился с Гессеном и отзывается теперь о нем очень сочувственно. Гессен платит ему той же монетой: сегодня в «Речи» есть его рецензия, весьма сочувственная, на 1-ую часть «Проблемы ‘чужого я’», подписана – Sergius⁷.

У Ольденбургов⁸ был несколько раз. Сергей Федорович по-прежнему радушно и тепло меня встречает, но он был очень занят все это время, так что видеть его приходилось больше урывками. Сергея Сергеевича видел и того меньше: он занимался в Публичной библиотеке, а остальную часть времени проводил большей частью у Старынкевичей⁹. Звал я его к себе, но он так ко мне и не собрался. Познакомился я с Федором Федоровичем [Ольденбургом] и с его женой¹⁰. Они мне очень понравились.

На публичном заседании Академии я был¹¹. Все было достаточно торжественно. К. Р. председательствовал, Сергей Федорович [Ольденбург] читал отчет, Нестор Котляревский говорил о Толстом, Владимир Иванович [Вернадский] – о радиации. Речь Котляревского о Толстом написана очень красиво и очень умно, но, по-моему, Толстого он не чувствует. Это впечатление усиливалось еще благодаря тому холодному и скучающему тону, каким она была прочитана. Я привезу ее в Москву. Она напечатана в годовом отчете¹², в котором вообще есть любопытные вещи.

Доклад Владимира Ивановича [Вернадского] был интересен, но, к сожалению, слишком конспективен, так что меня, профана, он больше заинтриговал, нежели убедил. С Владимиром Ивановичем виделся мельком у Ольденбургов. Оказывается, он не ездил

в Полтаву, так что ничего не мог рассказать мне о вас. Не мог он рассказать мне ничего и об университетских наших делах. Все-таки мне приятно было его видеть. Я послал с ним поклон Александре Васильевне Гольштейн¹³. Я здесь больше сижу дома, редко где бываю. Ходил на похороны Караулова¹⁴ – эту смерть принял я очень близко к сердцу. Народу было не слишком много, но было очень хорошо: тихое и сосредоточенное настроение.

Был раз в театре – в Александринке, на «Дон Жуане» Мольера в постановке Мейерхольда с декорациями Головина¹⁵. Постановка и декорации мне очень понравились, исполнение – много меньше. В общем – спектакль интересный. Потом был еще по разу в «Кривом зеркале» и в новом кабаре – «Дом интермедий»¹⁶. В «Кривом зеркале» стало скучней, но кое-что было очень хорошо. Видел, между прочим, там Истомина¹⁷, который приезжал сюда с экскурсией. С этой же экскурсией приезжал, оказывается, и Розенфельд¹⁸. В «Доме интермедий» был на вечере масок. Это были декадентские потуги на стихийное веселье – в целом нечто богопротивное.

Был на одном симфоническом под управлением Сафонова¹⁹, 8-го иду на другой под управлением нового петербургского дирижера (призванного из-за границы варяга) Коутса²⁰. Сам играю не особенно много.

Занимался умеренно: введение в философию приготовил. Читал тоже немного. Между прочим, прочел впервые большой рассказ Maupassant'a «Monsieur Parent»²¹. Он взволновал меня так, как давно ни одна литературная вещь не волновала. Это вещь необыкновенно сильная, при всей простоте, даже банальности фабулы. Книжку эту привезу с собой в Москву.

Судя по письмам Нины и Натальи Дмитриевны [Шаховской], мы с Вами много потеряли от того, что не были на елке с кадрилию (!). У нас здесь тоже была елка, но елка тихая и немного грустная – для взрослых. Зажгли ее вечером под новый год. Пока мама и Леля²² ее убирала, я читал Тургенева (поэмы) и Чехова. Было почему-то очень грустно, и вся теперешняя моя жизнь казалась какой-то ненастоящей и никому не нужной. Вы, вероятно, новый год встречали бодрей и веселей. Сомнения мои (относительно специальности) все растут и растут, кое-какие решения крепнут в глубине души, но обо всем этом мы с Вами подробно поговорим при свидании.

В общем, настроение у меня тревожное, выжидательное: я все жду чего-то, чего сам не знаю. Всего Вам хорошего – с новым годом! Передайте мой привет и наилучшие пожелания всем знакомым.

Да, Гуля! Передайте Софье Александровне [Ильинской]²³, что я убедительно прошу ее, если найдутся какие-нибудь документы по истории русской музыки (хоть записочки какие-нибудь), прислать мне их в Москву. Вы можете подтвердить, что мной руководит не праздное любопытство.

Ну, пока до свидания. Жму Вашу руку. М. К.

1. Домашнее имя Г. В. Вернадского.
2. Имеются в виду студенческие волнения в университетах и институтах Москвы, Петербурга, Харькова, Варшавы, Киева в связи с вводом полиции на территорию этих учебных заведений.
3. Романов Борис Александрович (1889–1957) – историк, ученик А. Е. Преснякова. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета в 1912 г. В дальнейшем профессор Ленинградского университета (1947).
4. Лапшин Иван Иванович (1870–1952) – философ, музыковед, психолог. В дружеском кругу имел прозвище «Джон». В эти годы вместе с М. М. Карповичем путешествовал за границей.
5. Эрн Владимир Францевич (1882–1917) – философ. Родился в Тифлисе, учился в той же 2-й Е. И. В. Великого князя Михаила Николаевича тифлисской гимназии (1891–1900), что и М. М. Карпович. В мае 1910 г. подал прошение о вступлении в число приват-доцентов Московского университета. По-видимому, имеется в виду реферат «Размышления о прагматизме», прочитанный в Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева 26 февраля 1910 г.
6. Гессен Сергей Иосифович (1887–1950) – философ, приват-доцент Петербургского университета. В 1922 г. покинул Россию. Профессор Русского педагогического института в Праге. В 1934 г. переехал в Польшу, преподавал в университетах Варшавы и Лодзи.
7. Рецензия на книгу И. И. Лапшина «Проблемы ‘чужого я’ в новейшей философии» (СПб., 1910), опубликована в газете «Речь» (1911, № 2 (3 января). С. 193).
8. Ольденбург С. Ф. (см. прим. 17) и его сын – Сергей Сергеевич (1887–1940) – публицист, близкий приятель Г. В. Вернадского с детских лет. Окончил юридический факультет Петербургского университета, служил в Министерстве финансов. В 1915 г. женился на А. Д. Старынкевич (см. ниже). В марте 1916 г. родилась их первая дочь Зоя – известная французская писательница. В годы Гражданской войны С. С. – участник Белого движения, в 1919 г. секретарь редакции газеты «Великая Россия» (Ростов). Эмигрировал, жил во Франции. Автор монографии «Царствование императора Николая II» (Белград, 1939). О нем см.: Вернадский Г. В. Из воспоминаний // «Вопросы истории». 1995. № 1. С. 133.
9. Семья Дмитрия Сократовича (1863–1920) и Елены Константиновны (ур. Лебедевская; ум. 1918) Старынкевичей, близких друзей С. Ф. Ольденбурга, Д. И. Шаховского и др. Д. С. – чиновник особых поручений при министре торговли и промышленности. Е. К. – врач в Петроградской городской больнице Марии-Магдалины. Их дочери: Ада (1892–1945) – жена С. С. Ольденбурга, окончила математическое отделение Высших женских курсов в СПб.; Дебора (1894–1922); Иоанна (в зам. Хлопина; р. 1904) – доктор медицинских наук; Ирина (в зам. Борнеман; 1890–1988) – геохимик, ученица и многолетняя сотрудница В. И. Вернадского. Доктор геолого-минералогических наук. Сыновья: Сократ (1896 –?) – агробиолог; Константин (1888–1930) – ботаник, ассистент по ботанике в Таврическом университете. Эмигрировал, один из организаторов Русской гимназии в Париже. Автор книги «Строение жизни», изданной после его кончины Г. В. Вернадским.
10. Ольденбург Федор Федорович (1862–1914) – педагог, родной брат С. Ф. Ольденбурга. В 1887–1914 г. руководил женской учительской школой им. Максимовича в Твери. Кадет. Его жена – Мария Дмитриевна (ур. Бекарюкова). Их дети: Мария (умерла в детстве); Александра (1894–1921); Наталья (1894–1942) – в 20-ые вышла замуж за сына А. А. Корнилова – Владимира, работала в области внешкольного образования и детского театра; Федор (1899–1943) – научный сотрудник Ленинградского областного бюро краеведения. Погиб на фронте.
11. Публичное годовое заседание Общего собрания Императорской академии наук 29 декабря 1910 г. Председательствовал президент АН Великий князь Константин Константинович (1858–1915; поэт К.Р.). Выступали: неперемный секретарь АН академик С. Ф. Ольденбург; историк литературы, первый

директор Пушкинского дома академик Нестор Александрович Котляревский (1863–1925), академик В. И. Вернадский – с докладом «Задачи дня в области радия».

12. См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук за 1910 год, составленный академиком Н. А. Котляревским. – СПб., 1910. С. 29-46.

13. Гольштейн Александра Васильевна (1850–1937) – общественная деятельница, бакунистка, переводчица; близкий друг семьи Вернадских.

14. Караулов Василий Андреевич (1854–1910) – народовец, затем кадет. Депутат III Государственной думы, занимался вопросами вероисповеданий.

15. Премьера спектакля «Дон Жуан» по пьесе Ж.-Б. Мольера в постановке режиссера В. Э. Мейерхольда (1874–1940) и декорациях художника А. Я. Головина (1863–1930) состоялась в Александринском театре 9 ноября 1910 г. Почти 25 лет (с перерывами) спектакль сохранялся в репертуаре театра.

16. «Кривое зеркало» – театр-кабаре, открытый в 1908 г. и известный своими пародиями и сатирой на злобу дня; «Дом интермедий» – театр-кабаре, существовал с октября 1910 по январь 1911 г.

17. Истомин Константин Николаевич (1886/1887–1942) - художник, учился в Мюнхене в школе живописи Шимона Холлоши. В 1909 г. вернулся в Россию, занимался в Московском университете.

18. Розенфельд Николай Борисович (1886–1938) – художник-иллюстратор, график, соавтор В. А. Фаворского. Брат Льва Борисовича Каменева.

19. Сафонов Василий Ильич (1852–1918) – [дирижер](#), [пианист](#), директор [Московской консерватории \(1889–1905\)](#).

20. Коутс (Coates) Алберт (1882–1953) – английский дирижер и композитор.

21. Рассказ французского писателя Ги де Мопассана (1850–1893), опубликованный в 1885 г.

22. Карпович (ур. Преснякова; во 2-м браке Ямпольская) Мария Евгеньевна (1867 – не позднее 1936) – мать М. М. Карповича, родная сестра историка А. Е. Преснякова; Леля – возможно, двоюродная сестра М. К. Карповича Ольга Николаевна Палибина (р. 1893) – училась в московском Строгановском училище (на 1910), слушательница филологического отделения московских Высших женских курсов В. И. Герье (на 1913).

23. Ильинская Софья Александровна (ур. Свечина; 1855-1931) – мать Н. В. Вернадской, земская деятельница, литератор. Близка кругу композиторов М. П. Мусоргского, А. П. Бородина и др.

Петербург, 25 апреля 1911 г.

Дорогой Гуля!

Петербург встретил меня великолепной летней погодой. Приехавши, я увидел его «в славе солнечной», и на душе сразу стало весело. На полноводной Неве стоят большие пароходы, так явственно пахнет морем, Европой – и временами я начинаю чувствовать в себе конквистадора (!).

Впечатление от неизменно-хорошей погоды и светлое настроение не могло испортить даже одно малоприятное происшествие. Во вторую же ночь моего пребывания здесь мне нанесли визит незваные гости¹. Впрочем, их было немного, они были очень корректны – настолько, что мама даже не проснулась и узнала обо всем только утром. С собою они унесли мои тетради с вырезками, краткую историю Французской революции Олара (!)² и мамину корреспонденцию, в том числе большое количество моих писем. Сегодня мама идет делать попытку выволить все эти бумаги. Мама, Наташа³ и Леля чувствуют себя вполне хорошо, так что в квартире у нас царит благополучие.

У Преснякова был уже два раза: вид у него скверный, утомленный. Он действительно уезжает в Париж после 20-го мая. Насчет цели своей поездки он что-то хитрит. По его словам, ему просто хочется в Париж. Однако же он получил командировку от университета «для научных занятий». На зиму он объявил в университете курс по Москве, и жена его⁴ по секрету сообщила мне, что из этого будет диссертация в свое время⁵. Не знаю, насколько можно верить этому официозному сообщению.

Вчера начал я свою работу у Дмитрия Ивановича [Шаховского]. Пока мы занимаемся каталогом щербатовской библиотеки⁶. Работа в значительной мере механическая, но я со своей канцелярско-библиотечной душой делаю ее не без удовольствия. Кроме того, Дмитрий Иванович дал мне на дом разобрать и переписать письма Щербатова-внука⁷. Последним делом займусь с большим удовольствием.

Кроме этого дела занялся я Белинским⁸. Штудирую его по критическому изданию Иванова-Разумника⁹. Параллельно думаю заглядывать и в Венгерское издание¹⁰, и в различные книги о Белинском (не говори об этом Дроздову¹¹!) Затем хочу произвести целый ряд библиографических изысканий, имея в виду будущие свои самостоятельные научные занятия. Занимается мне – особенно после продолжительного периода безделья – хорошо.

Вот пока все мои новости. А что делается у Вас в Москве и как вы все живете?

Мама просит передать Софье Александровне [Ильинской], что в министерстве ссуда ей разрешена и что извещение об этом уже послано ей в деревню. Деньги она сможет получить по присылке написанного.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 89.

1. Речь идет об обыске в квартире М. М. Карповича на 9-й линии Васильевского острова.

2. По-видимому, имеется в виду работа французского историка Альфонса Олара (1849-1928) «Очерки и лекции по истории Французской революции» (СПб., 1908).

3. Здесь и далее Наташа – родная сестра М. М. Карповича.

4. Преснякова (ур. Кимонт) Юлия Петровна (1870–1947) – жена А. Е. Преснякова.
5. Диссертация на степень доктора русской истории «Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий» была защищена А. Е. Пресняковым в 1918 г.
6. Речь идет о библиотеке историка, публициста, философа, почттного члена Императорской Академии наук князя Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790), прадеда Д. И. Шаховского.
7. Вероятно, имеется в виду философ и публицист Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856), внук князя М. М. Щербатова по материнской линии.
8. Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – литературный критик, публицист
9. Белинский В. Г. Собрание сочинений / Под ред. Р.В. Иванова-Разумника. – СПб., 1911.
10. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / Под ред. и с примеч. С. А. Венгерова. – СПб., 1900–1917.
11. Дроздов Василий Павлович (1878–1930) – сотрудник, автор и редактор ряда газет и журналов, в том числе журналов «Крестьянское дело», «Колос», в которых активно участвовал М. М. Карпович. Репрессирован, расстрелян.

Москва, 28 ноября 1911 г.

Дорогой Гуля!

Пишу Вам в не слишком бодром настроении. У меня жестокий бронхит, вот уже пять дней, как я не выхожу, а кашель все не прекращается. Это меня злит и мешает мне готовиться к экзаменам. А на носу у меня скверная политическая экономия и запущенные мною коллоквиумы.

Мама еще здесь (она благодарит Вас и Нину за память и шлет вам обоим свой привет), но вряд ли ей теперь в Москве очень весело: сидеть почти все время в комнате и слушать мой подлый кашель – не такое уж большое удовольствие. Уезжает она в пятницу, 2-го. К нам в квартиру въехал еще теперь Федя [Ильинский]. У них с [Абрам.] произошла какая-то пертурбация (касательно комнаты). В чем именно дело, я добиться от Феде не мог. Как бы то ни было, мы его приютили. Он привез обратно тот стол, который когда-то с таким триумфом увозил, расставил его в этой маленькой комнатухе, и к удивлению всех она от этого только выиграла: стала много уютнее.

Дома у нас все благополучно. Вот только бедной Соне хуже, и Поля¹ очень огорчена. Довольно неудобные свойства стали проявлять живущие над нами люди. Каждую субботу у них собирается народ, и начинается веселье. При этом до 12-ти они танцуют, играют на рояле. Это еще сносно. А вот после 12-ти творится у них черт знает что. Они играют в какие-то странные игры: возят по комнате мебель, затем прыгают на пол с какой-то высоты. Шум стоит ужасный (в моей и в Вашей комнате) и продолжается это часов до 4-х утра. Я предвижу в будущем столкновение с ними на этой почве. Если

это будет продолжаться и по Вашем возвращении, то нам придется из-за Нины запротестовать.

Сегодня из-за болезни не пошел я на редакционное заседание «Кр[естьянского] дела»². Не будет Натальи Дмитриевны [Шаховской], а, быть может, и Николая Вячеславовича [Якушкина]³. Придется отдуваться Шикю и Татьяне Ивановне [Якушкиной]⁴. Второй номер выйдет не слишком хорошим. Вопреки нашему желанию в нем пойдет «Марк Аврелий»⁵. Вышло это потому, что никакого другого фельетона не оказалось. А «Марк Аврелий» к этому номеру совсем не подходит и вообще, по нашей мысли, не должен были идти в номере, смежном с толстовским⁶. Не знаю, как будет с рисунками. У Виппера⁷ очень мало подходящего, а главное, рисунки так слабо напечатаны, что вряд ли хорошо вышли при воспроизведении. Отснять же наспех другие рисунки не удалось. Так он и пойдет или с плохими рисунками, или совсем без рисунков. Обидно это!

Дрозд[ов] хотел непременно, чтобы в этом номере была моя заметка о Добролюбове⁸. Но я запротестовал решительно и против его видов на меня и – принципиально – против юбилейно-поминального характера журнала. А Дрозд[ов] меня уверял, что если бы каждый номер был юбилейный, то было бы очень хорошо! Разговаривай с ним после этого. Не знаю, втиснет ли он все-таки портрет Добролюбова или же нет.

Подписка идет плохо. Дроздиха настоящую цифру скрывает, но мы знаем, что дела плохи. Николай Вячеславович [Якушкин] должен был до своей поездки на голод (он едет от «Р[усских] вед[омостей]») съездить к Рябушинской⁹ и объясниться с ней начистоту. Не знаю, что из этого выйдет.

Мишу [Шика] прогнали; верно, Дроздиха с ним не поладила. Я думал, что он будет апеллировать к пайщикам и полупайщикам, но он, бедняга, безропотно покорился своей участи. И вместо него уже приходит какой-то толстый, краснощекий мальчик с пискливым голосом. Вот Вам все редакционные наши новости. С материалами Сергея Сергеевича [Ольденбурга] еще не успел ознакомиться. Ваша заметка сегодня же переслана Дрозд[ов]у¹⁰.

На той неделе был со мной пренеприятный случай. Не помню: при Вас ли еще или уже после Вашего отъезда звонил мне Казанский¹¹, и я ходил к нему в «Княжий двор»? Тогда он показался мне в состоянии удовлетворительном. Был он очень нервен, говорил не слишком умно и связно, ну да ведь и раньше, до санатории, он отличался теми же свойствами. Я его ободрял, уверял, что он поправится – с тем и ушел.

Несколько дней тому назад явился он ко мне; здесь была с ним истерика, и потом стал он нести невероятную чушь. Часа три с лишним возился я с ним, пока, наконец, удалось мне с ним расстаться. Потом я узнал от Котельникова¹², что он безнадежен, что родители его отлично все знают, что помочь здесь ничем нельзя. Он уверен, что

родители – его враги, что они его хотят извести, поэтому ко всему исходящему от них относится с крайним озлоблением и раздражением. К этой мании преследования присоединяется у него ряд идей эротического характера. Все это ужасно тягостно; проведя с ним часа три, я чувствовал себя совершенно разбитым – и физически и душевно.

Много думал о том, какой выход из такого положения. Ведь он небезопасен; как же можно позволять ему гулять по знакомым? Но с другой стороны, насильно запереть его куда-нибудь – жестоко. В нем много проблесков сознания, и какой ужас будет у него в душе (при мании-то преследования), когда его куда-нибудь повезут! Признаюсь откровенно: у меня в душе господствовало эгоистическое чувство – желание себя оградить от этих крайне тягостных и каким-то образом оскорбительных впечатлений. Все равно ведь я ему помочь не могу! И поэтому, когда он на другой день неоднократно звонил мне – ему говорили, что меня нет дома. С тех пор о нем ничего не слышно. Не знаю, какова судьба его.

Ужасная вещь – безумие. Особенно такое. Вот у Успенского¹³ было, по-видимому, безумие значительное, трагическое. А это какое-то пошлое, глупое безумие. Вы представить себе не можете, как мне с ним было тягостно!

На прошлой неделе ликвидировали мы общество Трубецкого. Было на собрании 13 человек плюс экзекутор. 12 было своих, а 13-ый был юрист какой-то, и он говорил против ликвидации. Но мы его подавили единогласно, постановили закрыть, превратили правление в ликвидационную комиссию и для проформы выбрали ревизионную комиссию - Мишу Петровского¹⁴, Колю Родионова¹⁵ да Толю Бергера¹⁶. Единственные члены собрания, не входившие в состав правления! Теперь будем искать средства для уплаты (или вернее неуплаты по мере возможности) долгов и думать о том, куда передать библиотеку.

Вам в Полтаве живется и занимается, по-видимому, хорошо. Только зачем это Нина простудилась? Не одобряем.

Будаговский бил не учителя, а директора Желиховского, мужа писательницы¹⁷. К этому делу и папа¹⁸ был как-то причастен. Хорошие были времена! А мы-то с Вами никого на своем веку не били! Куда мы после этого годимся?

Поразила меня неожиданная смерть Серова¹⁹. Я думаю, что в наши дни это был единственный настоящий художник. Это как-то инстинктивно ощущалось, даже если не любить его портреты. А я их люблю. Скоро должна выйти о нем книга Грабаря (в той же серии, что и «Врубель» Яремича)²⁰. Теперь это особенно интересно.

До свиданья. Жму Вашу руку. Горячий привет Нине. Ваш М. К.

Я уеду между 10 и 15. И когда Вы приедете? А теперь, после смерти Серова, поездка-то наша вряд ли состоится!

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л.92-95 об.

1. Прислуга Пелагея Дмитриевна Соколова.
2. Беспартийный журнал для крестьян и сельской интеллигенции. Выходил в Москве в 1909–1912 г. Издатель и редактор – В. П. Дроздов. С 1913 г. журнал издавался под названием «Колос».
3. Якушкин Николай Вячеславович (1882–1930-е (?)) – экономист, прямой потомок декабриста И. Д. Якушкина. Автор статей в журнале «Крестьянское дело» в 1911–1912 г. В начале 30-х годов – зав. секцией Конъюнктурного института Наркомфина СССР.
4. Якушкина Татьяна Ивановна (ур. Сахарова; 1883–1977) – жена Н. В. Якушкина, родная сестра отца академика А. Д. Сахарова. Автор статей в журнале «Крестьянское дело» в 1911–1912 гг. Преподаватель английского языка.
5. Вернадский Г. В. Марк Аврелий (Император мудрец) // «Крестьянское дело». 1911. № 2. С. 37-40.
6. Предыдущий номер журнала «Крестьянское дело» (1911. № 1) был посвящен первой годовщине со дня смерти Л. Н. Толстого.
7. Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) – историк, профессор Московского университета. По-видимому, предполагалось взять иллюстрации из его книги «Очерки истории Римской империи» (М., 1908).
8. [Карпович М. М.] Юбилей Н. А. Добролюбова // «Крестьянское дело». 1911. № 2. С. 43. Автор заметки не указан.
9. Кто именно из Рябушинских участвовал в финансировании журнала, пока не установлено.
10. Ни в № 2, ни в вышедшем 15 декабря 1911 номере № 3 (последнем за этот год) публикаций С. С. Ольденбурга и Г. В. Вернадского нет.
11. Казанский Владимир Сатирикович (1896 – не ранее 1937) – студент физико-математического факультета Московского университета (1912–1919; ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 326. Д. 799), брат Валентина Сатириковича Казанского (1882–1935), помощника присяжного поверенного, проживавшего в том же доме в Москве (Полужтков переулок, дом Снегиревой (д. 5), где снимали квартиру в 1912 г. М. М. Карпович и Г. В. Вернадский. В дальнейшем преподаватель физкультуры, репрессирован.
12. Сотрудник журнала «Крестьянское дело» в 1910 г.
13. Как известно, писатель Глеб Иванович Успенский (1843–1902) страдал серьезным нервным расстройством и последние годы жизни провел в Колмовской больнице для душевнобольных в Новгороде.
14. Петровский Михаил Александрович (1887–1940) – литературовед, переводчик. Окончил московскую гимназию Л. И. Поливанова (1905), историко-филологический факультет Московского университета по отделу западноевропейских литератур с дипломом первой степени (1911). Кандидатское сочинение – «Литературное развитие Э. Т. А. Гофмана» (ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 319. Д. 1030). Впоследствии преподавал романскую филологию и историю средневековой литературы в Московском университете и на Высших женских курсах. В 1923–1930 заведующий подсекцией теоретической поэтики при литературной секции Государственной академии художественных наук. Репрессирован.
15. Родионов Николай Сергеевич (1889 – не ранее 1939) – сотрудник журнала «Новый колос» (1915). Окончил 7-ю московскую гимназию в память имп. Александра III (1908), юридический факультет Московского университета (1912; ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 322. Д. 1490). Директор Главной редакции Полного собрания произведений Л. Н. Толстого (на январь 1939).
16. Бергер Анатолий Ксавериевич (1888–1962) – историк античности. Автор монографий «Социальные движения в Древней Спарте» (М., 1936) и «Политическая мысль древнегреческой демократии» (М., 1966).

17. Желиховский Владимир Иванович (ум. 1880) – директор гимназии в Тифлисе, помощник попечителя Кавказского учебного округа. Его супруга – писательница Вера Петровна Желиховская (ур. Ган; 1835-1896), родная сестра Е. П. Блаватской.

18. Карпович Михаил Викентьевич (1855–1927) – отец М. М. Карповича. Инженер путей сообщения, служил на Закавказской, с 1893 г. – на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге. Жил и скончался в Тифлисе / Тбилиси.

19. Художник Валентин Александрович Серов скончался 22 ноября (5 декабря) 1911 г. в Москве.

20. Книга «Михаил Александрович Врубель. Жизнь и творчество» издана в 1911 г. И. Кнебелем в серии монографий Игоря Грабаря «Русские художники». В этой же серии в 1913 г. опубликована книга И. Грабаря «Валентин Александрович Серов. Жизнь и творчество».

Петербург, 2 апреля 1912 г.

Дорогой Гуля!

Хотя надеюсь скоро увидеть Вас в Петербурге, все-таки пишу Вам это письмо. Хочется ответить Вам на Ваше письмо. Напрасно Вы извиняетесь передо мной в том, что много пишете об истории. Я в конце концов вовсе уже не питаю к ней такой непримиримой ненависти, какую Вы во мне, по-видимому, предполагаете. И то, что Вы пишете о Флаке¹, я прочел с интересом.

Сообщение о новой книге Виппера² меня заинтриговало. Воображаю, какая в конце концов ерунда эта статья о двух греческих интеллигенциях³. Вот от такой «истории» меня передергивает, но ведь и Вы не большой ее поклонник. Вместе с Вами скажу по адресу Виппера: «Бог с ним!»

Я дочел Корниловский курс⁴ до конца и укрепился в своем мнении, что это хорошо составленный и интересный курс. Что касается вопроса, насколько действительно все творческие силы русского народа уходили в раскол и в сектантство, то прежде всего спешу указать, что Корнилов говорит именно о «духовном творчестве». Он пишет о настроениях, идеях и направлениях в образованном обществе, в интеллигенции, а затем говорит: «Теперь обратимся к духовной жизни народных масс за этот период» и начинает говорить о расколе и сектантстве. Думаю, что это неправильно, но объясняю это тем, что духовная жизнь и быт народных масс в сущности научно никогда не изучались, и потому остается обратиться к таким бросающимся в глаза, выпуклым проявлениям этой жизни, как раскол и секты. Всякий раскол, всякий протест всегда заметнее, чем мирное развитие. Но, в конце концов, писать в истории духовной жизни народа только о расколе – не то же ли это самое, что в политической истории говорить только о революциях?

На днях только прочел книгу Натальи Дмитриевны [Шаховской]⁵ и вчера отправил в Ярославль большущее письмо с критическими замечаниями. Повторять все

это сейчас мне не хочется. Скажу Вам только, что в общем мне книга понравилась. Обрадовало своеобразие стиля Натальи Дмитриевны (хотя он еще немного искусственный). Главные недостатки: 1) впечатление какой-то статичности; Короленко в биографии не растет, не «проживает» свою жизнь, а как-то сразу дается и таким и пребывает (впрочем, на то это и биографическая характеристика); 2) слишком легко отделалась Нат[алья] Дм[итриевна] от истории творчества Короленко, заявивши, что такой истории вовсе и не было: это, по-моему, безусловно, неверно; такая история была, но нужно ли ее было писать Наталье Дмитриевне, этого я не знаю; 3) раз затронувши «общественные настроения» (гл. IV–V). Н[аталья] Дм[итриевна] должна была больше на них остановиться, а то она дает довольно категорические, необоснованные характеристики. Наконец, большие сомнения вызывают у меня определения: «Короленко – позитивист» и «Короленко – публицист в искусстве». По-моему, эти определения противоречат характеристике, даваемой самой Нат[альей] Дм[итриевной]. Вообще, Нат[алья] Дм[итриевна] слишком отдала Короленко во власть Михайловского⁶. Если для Вас все эти мои замечания не ясны, а Вы интересуетесь моим мнением, то попросите как-нибудь у Н[атальи] Дм[итриевны] мое письмо (если только она его сохранит). Впрочем, мы поговорит с Вами об этом здесь. И мне интересно Ваше мнение – в подробностях.

Герценовский вечер был очень интересен⁷. Интересно было послушать стольких «разнохарактерных» ораторов и лекторов. Интересным по существу было только выступление Струве, но слушать его было довольно тягостно: он прочел целиком статью о Герцене, которая, очевидно, будет напечатана в «Русской мысли»⁸. Очень красивое вступительное слово произнес своим обычным скучающим и разочарованным тоном Нестор Котляревский. Бойко говорил Милюков⁹, не преминувший в конце своей (в общем интересной) речи зачислить Герцена в кадеты. Слушая его, глядя на его фигуру, на его жесты, я подумал, что это политический оратор английского или даже американского типа. Это чувство было во мне так сильно, что я бы не удивился, если бы он заговорил по-английски; чуть ли даже не ждал этого. Алекс[андр] Алекс[андрович Корнилов] прочел очень маленькое и деловое сообщение «Герцен и крестьянский вопрос», в котором почти ничего нового не было¹⁰. Но слушать его было приятно. Мне понравилась его лекторская манера: очень простая и убедительная. Последним говорил Родичев¹¹, который, по-моему, был в ударе.

Отчего мне не прислали предыдущего номера «Кр[естьянского] дела» и пришлют ли последний? Не было ли мне какой корреспонденции? Я знаю, что мне из Якутска послали к Пасхе открытку. Получена ли она?

Нину благодарю за кэпи, за открытку и за первоапрельский подарок. Обман ее удался вполне. Я разворачивал коробочку с осторожностью и до последнего мгновения думал, что это какое-нибудь хрустальное яичко. По-моему, все-таки коварно обманывать так человека 30 марта: ведь я ничего не ожидал, не насторожился!

У нас семейная новость: в середине апреля мама и Наташа, вероятно, выедут в Clarens, где проживут весну. А летом мы с папой, вероятно, поедем за границу и там изловим Наташу. Наташа была у доктора Чистовича¹² (это какая-то петербургская военно-медицинская знаменитость), и он сказал ей, что у нее ничего нет, кроме малокровия, от которого надо лечиться хорошим климатом и гигиеническим режимом. Я чувствую себя удовлетворительно, хотя погода здесь нездоровая; все время перемены – то очень хорошо, то прескверно.

У Ваших и у Ольденбургов еще не был. Сижу больше дома. Жму Вашу руку. М. Карпович.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 83-85 об.

1. Флак (Flach) Жак (1846-1919) – французский юрист и историк. С 1883 г. занимал кафедру сравнительной истории законодательств в Коллеж де Франс в Париже.
2. Виппер Р. Очерки теории исторического познания. – М., 1911. Здесь историк формулировал свое критическое отношение к историческому материализму.
3. Виппер Р. Две интеллигенции (Историческая фантазия) // Виппер Р. Две интеллигенции и другие очерки. Сборник статей и публичных лекций. 1900–1912. – М., 1912. С. 1-25. В статье резко осуждается позиция авторов «Вех» за нигилистическое отношение к просветительским и демократическим идеалам российской интеллигенции.
4. Корнилов Александр Александрович (1862–1925) – историк, близкий друг Вернадских, Ольденбургов и Шаховских. Секретарь ЦК кадетской партии. Автор первого систематического «Курса истории России XIX века» (Ч. 1–3. М., 1912–1914).
5. Шаховская Н. Д. В. Г. Короленко: Опыт биографической характеристики. М., 1912.
6. Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – публицист, литературный критик, теоретик народничества. Вместе с В.Г. Короленко один из редакторов журнала «Русское богатство».
7. Вечер памяти А. И. Герцена состоялся 27 марта 1912 г. Подробнее см.: Амашер К. Юбилей Герцена 1912 года: чье наследство и кто наследники? // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943). Материалы Международного научного colloquium. Москва, 23-25 сентября 2009 / Сост. М. Ю. Сорокина. – М., 2010. С. 45-66.
8. Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, публицист, философ, действительный член Российской АН (1917). Его выступление см.: Струве П. Б. Герцен // «Речь». 1912. 25 марта, а также: Струве П. Б. Герцен // «Русская мысль». 1912. № 4. С. 131-139.
9. Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, председатель ЦК кадетской партии с 1907 г. Министр иностранных дел Временного правительства. См.: Милюков П. Н. Герцен // «Речь». 1912. 25 марта. № 83.
10. Корнилов А. А. Две лекции (Памяти А.И. Герцена) // «Речь». 1912. 10 марта; Корнилов А. А. По поводу предстоящего юбилея А. И. Герцена // «Речь». 1912. 3 марта.
11. Родичев Федор Измайлович (1856–1933) – член ЦК кадетской партии. Депутат Государственных дум всех созывов. Министр Временного правительства по делам Финляндии. См.: Родичев Ф. И. Великий гражданин // «Речь». 1912. 25 марта. № 83.
12. Чистович Николай Яковлевич (1860–1926) – профессор факультетской терапевтической клиники Военно-медицинской академии в СПб., действительный член Академии.

Тифлис, 5 июня 1912 г.

Дорогой Гуля!

Не хотелось писать Вам прежде, чем выяснились мои планы, а кроме того, я ждал известия от Вас, ждал Вашего адреса, т. к. посылать письмо в пространство, без уверенности в том, что оно дойдет, - очень неприятно. Теперь планы мои выяснились, письмо Ваше с волжским адресом мною получено, и я могу заглазить свою вину перед Вами.

Я живу здесь уже третью неделю (с 16 мая). Здесь, как всегда в это время года, жарко, суетливо, неуютно. Я ничего не делаю, совсем не занимаюсь, даже не играю (а играть трудно!), читаю очень мало. За все это время перечитал только «Домби и сына» в чудесном переводе Ириарха Введенского¹. Читал с наслаждением, с каким-то особенным чувством возвращения к чему-то родному, хорошему и близкому, но забытому. Это чувство увеличивалось еще от того, что читал я старую, растрепанную книгу, которую я хорошо помню с детства: в ней такие милые картинки!

Теперь осталось пробыть в Тифлисе 10 дней. 15-го я уезжаю за границу. Еду пока один. Поеду через Баку-Ростов-Варшаву в Дрезден, где буду 20-го. К тому времени в Дрезден приедут мама с Наташей. После Кларанса они жили в местечке Salvan (в городе кантона Valais, к югу от долины Роны). Теперь они уже, вероятно, покинули Швейцарию. Их маршрут – Мюнхен, Нюрнберг, Дрезден. В Дрездене мы проведем вместе несколько дней, затем вместе же поедем по Эльбе в Саксонскую Швейцарию. Вероятно, поселимся в местечке Tetschen. Папа выедет числа 5-го июля. Поедет в Карлсбад, где полечится недели три, значит, до конца июля. Все это время мы с Наташей (мама уедет в Петербург в начале июля) будем жить в Tetschen'e (оттуда полтора часа езды до Карлсбада) или около него. Как мы с папой проведем август месяц, это пока еще неизвестно. Я стою за северный Тироль, но не знаю, удастся ли мне убедить наших. Из-за границы я поеду прямо в Россию (на Кавказ уже не буду возвращаться); вероятно, перед Москвой заеду дней на 10 в Петербург.

На Волгу мне попасть не удастся. А хорошо там сейчас, по всей вероятности! Прохладно, спокойно, тихо и широко. Пожалуй, туда тянет меня больше, чем за границу. Вас всех хочется видеть. А знаете ли Вы, что у Михайловых² живет в качестве воспитателя мой приятель Богословский³? Пришлите мне, пожалуйста, адрес Михайловых, потому что мне хочется ему написать. На это мое письмо Вы уже не успеете ответить мне сюда, поэтому пошлите в Дрезден до востребования. А потом я пришлю Вам свой саксонский адрес.

Меня тревожат мысли о судьбе «Крестьянского дела». Я видел здесь второй майский номер, в нем убийственно много перепечаток. Думаю, что на днях увижу и первый июньский номер. Дроздов мне, конечно, журнала не присылает, но я хожу читать его в читальню Народного дома, он там получается. Писать отсюда текущие

статьи по иностранной политике, вести систематически этот отдел, я не могу. Ведь это почти то же самое, что хроника. Это дело можно делать только на месте. Статьи я бы писал с удовольствием, но вот беда: нет тем, а тифлисская жара лишает меня всякой изобретательности. Напишите мне о делах журнала, укажите, чем я могу быть ему полезен за лето. Боюсь только, что заграничная моя жизнь будет мало благоприятствовать журнальной работе.

Московское мое приключение⁴, о котором Вы пишете, теперь уже так далеко от меня. Вспоминаю я о нем с теплым чувством, потому что в те дни было у меня на редкость хорошее настроение (оно немного отравлялось мыслью о папином беспокойстве). Когда меня вели из участка в Арбатский полицейский дом, было чудесное весеннее утро, рядом со мной сидели такие милые, добродушные городовые, по улицам шли все такие хорошие люди. Я смотрел на голубое небо, какой-то особенно легкий и лаковый ветер веял мне в лицо, мне хотелось смеяться, на душе было так непонятно хорошо. Никогда я этого не забуду. И потом мне уже все нравились: и смотритель полицейского дома, и охранявшие нас «мушкетеры», и товарищи по камере. Из окна камеры был хорошо виден двор, на котором играли дети, ходили голуби; через открытые ворота видна была улица, можно было часами следить за прохожими, ждать, не промелькнут ли знакомые фигуры, смотреть, как идут гимназистки в гимназию Брюхоненко – и все это было мне мило, все возбуждало во мне какое-то хорошее чувство. И здесь то, при разговоре с соседями, с товарищами по «несчастью», я явственно увидел, как бесконечно далеко ушел я от «политической» психологии с ее принципиальной враждебностью к охраняющему смотрителю и допрашивающему ротмистру, и понял, в первый раз по-настоящему понял, насколько легче и лучше жить без острой вражды к охранному отделению, без этих дурных чувств к людям – может быть, очень скверным людям, но все-таки людям. За те три дня, что я просидел в заключении, зазеленели все деревья, и это было мне таким хорошим приветом, когда я вышел на свободу!

Летом я, вероятно, не буду заниматься. Я почти не беру с собою книг. Меня как-то не тянет к занятиям в это лето. Я чувствую настоятельную потребность привести в порядок свои чувства и мысли, заняться немного самим собой, оглядеться, выяснить себе свое положение. Сейчас я ясно чувствую одно: я зашел в какой-то тупик, из которого мне надо выйти. В душе моей очень неблагоприятно и если я не сделаю усилия, чтобы изменить это, дела мои будут плохи. Никто мне не поможет, все зависит от меня самого. Убедительно прошу Вас, поверьте моей искренности и серьезности. Не успокаивайте меня, не говорите, что я преувеличиваю; поверьте мне, что мне очень нехорошо. Вы как-то всегда не верили мне, когда я говорил или писал Вам об этом. Я не упрекаю Вас. Во-первых, сами Вы другой человек, бесконечно более крепкий и надежный, чем я. Во-вторых, обманывала Вас моя жизнерадостность, которая и меня самого подчас заставляла верить, что все благополучно. Но когда я оглядываюсь на жизнь свою последних лет, я вижу, какой это был обман. Это была поистине развратная жизнь: какое-то постоянное откладывание настоящей жизни на будущее время, а в

ожидании этой настоящей жизни – праздность, беспечное легкомыслие, расточительность. Как бессовестно пренебрегал я данными мне Богом силами, как бесплодно пропадали лучшие чувства моей души; как небрежно относился я к жизни, к людям, к природе! Какой это был кинематограф отношений, интересов, занятий! И все впустую, все впустую! Единственным оплотом среди этой суеты была наша квартира – и как я весьма Вам, дорогие мои, за это благодарен! Но и здесь как много возможностей было утеряно! Теперь, когда квартира уже пересдана, когда прошедшего не вернешь и не поправишь, я ясно вижу, что я не взял от совместной нашей жизни и сотой доли того, что мог бы взять. И в этом, конечно, - только одна личная моя вина. Вот такой жизни я больше не хочу, потому что ее я считаю губительной для себя. Мне надо возродить свою душу, в полном смысле этого слова – возродить. Как это сделать, где искать выхода, - я пока еще не знаю. Но знаю одно: что-то надо переменить, переменить коренным образом. И не в обстановке жизни, а в содержании ее, в самом себе. Быть может, это случится скоро – и я почувствую себя настоящим человеком, годным на большое и настоящее дело.

Я не представляю себе полной жизни без большого и глубокого личного счастья. Потребность такого счастья неизменно живет в моей душе, и то, что я его и имею, сильно влияет на неблагополучие душевной моей жизни. Но ведь настоящее личное счастье, большая и разделенная любовь – это чудо. Одним Бог его посылает, другие умирают без него. На чудо рассчитывать трудно. Можно верить более или менее сильно. Не знаю, верю ли я. Если и верю, то с большой опаской. Но если здесь я бессилен, то тем больше мой долг взять то, чего я в силах добиться. Весь Божий мир лежит передо мной, в душе много сил, нельзя терять ни одного мгновения. Поймите меня и поддержите меня своим участием!

Пишите мне о приволжской Вашей жизни, обо всех пишите подробно. Как Шаховские? Часто думаю о них. Как здоровье Анны Николаевны⁵? Определились ли зимние их планы? Что Шик, с вами ли он? Не пишу ему вопреки обещанию только потому, что это письмо в такой же мере обращено к нему, как и к каждому из вас. Больше чем когда-либо соединены вы все в душе моей, и больше чем когда-либо, каждый из вас дорог и близок мне.

Мама и Наташа присылают из-за границы очень хорошие письма, проникнутые спокойствием и бодростью. От этих писем веет на меня горной прохладой и запахом луговых цветов, и мне особенно отрадно читать их в душном и пыльном Тифлисе. Уеду отсюда с радостью, которая будет отравлена только беспокойством за папу. Боюсь, как бы он не застрял в Тифлисе. Отпуск-то он уже получил, но неизвестно, как скоро удастся ему им воспользоваться.

С нетерпением буду ждать вестей от вас. Шлю горячий и сердечный привет Шаховским (на Волге ли Илюша⁶? где Дмитрий Иванович?), Нине и Михаилу Владимировичу [Шик], если он уже с вами. Кланяйтесь и Поле, если она с вами.

Опишите мне подробно вашу дачу. Целую Вас, дорогой Гуля! Папа вам кланяется. М. К.

P.S. Где ваши? Где Ильинские?⁷

P.P.S. Познакомился здесь с Елизаветой Васильевной Герсевановой, той самой, что сидит за одним карточным столом с Нининым отцом. Она уже старая, но еще очень красивая. Она про вас и про Нину знает.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л.39-44.

1. Введенский Иринарх Иванович (1813–1855) – переводчик, литературный критик, педагог. Автор наиболее популярных среди русской публики переводов Ч. Диккенса.
2. Михайлов Николай Федорович (1849–1915) – медик, участник революционного движения. Член Общества попечения о неимущих и нуждающихся в защите детей в Москве. Гласный Московского губернского и уездного земского собраний. Редактор-издатель журнала «Вестник воспитания». Знакомый А. П. Чехова, И. А. Бунина. В 1912 г. жил по адресу: Москва, Староконюшенный пер., д. 32.
3. Богословский Борис Васильевич (1890–1966) – переводчик. Окончил с золотой медалью гимназию в Ярославле (1908), естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (1915; ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 322. Д. 184). В 1920 г. командирован в США, где и остался. Редактор-переводчик русского языка на Нюрнбергском судебном процессе над немецкими военными преступниками от США (1945–46). Редактор русского отдела переводчиков ООН.
4. 10 мая 1912 г. комнату М. М. Карповича в московском Полуэктовом переулке вновь обыскали, а его самого отправили в Пречистенскую полицейскую часть. Подробнее см.: Горинов М. М.-мл. Документальные материалы московских архивов как источник сведений по биографии М. М. Карповича // Ежегодник Дома Русского Зарубежья им. Александра Солженицына. 2013 (в печати).
5. Шаховская Анна Николаевна (ур. Сиротинина; 1869–1951) – супруга князя Д. И. Шаховского.
6. Шаховской Илья Дмитриевич, князь (1887–1916) – сын князя Д. И. Шаховского, близкий приятель Г. В. Вернадского; окончил математическое отделение Московского университета, служил в Пулковской обсерватории, в 1914 г. пошел добровольцем на фронт, погиб. О нем см.: Вернадский Г. В. Из воспоминаний // «Вопросы истории». 1995. № 1. С. 132-133.
7. Семья жены Г. В. Вернадского Нины. Ее отец – Владимир Никанорович – медик, помещик дер. Воронцовка Ефремовского уезда Тульской губ.; певец-любитель, близкий композиторам «Могучей кучки». Сестра – Екатерина (1882–1962) – литератор, в 1931 г. сослана в Сибирь как баптистка; после возвращения жила в семье В. И. Вернадского; брат – Игорь (1880–1937) – окончил юридический факультет Московского университета, помощник присяжного поверенного А. Р. Ледницкого. Многократно арестовывался. В 1924 г. отправлен на Соловки. После освобождения - научный сотрудник и заместитель хранителя музея-усадьбы Ясной Поляны, научный сотрудник Литературного музея в Москве. Последний раз арестован в 1935, расстрелян.

[Мюнхен], 7/20 июля 1912 г.

Дорогой Гуля!

Уже больше двух недель назад получил я Ваше письмо; за это время не было, кажется, дня, когда бы я не думал о нем, но вышло как-то так, что вот только теперь пишу Вам. Ваше письмо встретило меня в Дрездене, когда я впервые приехал туда 20-VI / 3-VII. Там же встретило меня и письмо от мамы, из которого я узнал, что мама с Наташей ждут меня в Мюнхене. Через несколько часов я выехал в Мюнхен. С Мюнхена и началось мое заграничное путешествие. Мы пробыли там вместе 5 дней. Все нам Мюнхен очень пришелся по душе на этот раз. Он нравился мне и раньше, но только теперь я почувствовал, какой это исключительно красивый и привлекательный город. И это именно такой город, в котором хочется пожить подольше, а не только осмотреть его достопримечательности.

Из музеев смотрели только старую Пинакотеку. И этого более чем достаточно. Первый раз в жизни получил я большие и настоящие впечатления от живописи. Ведь когда я был в Париже и в Италии, я был еще настоящим варваром в своем отношении к живописи. А то, что приходилось позднее видеть в России, так жидко по сравнению с тем, что есть в старой Пинакотеке. Мучительное это все-таки занятие смотреть такое количество замечательных вещей в музее, особенно когда ограничен временем! И, несмотря на эти терзания, все-таки я получил огромное, редкое наслаждение. Не буду писать подробно об этих своих впечатлениях – они должны еще отстояться в душе – пока скажу только, что совершенно покорен Дюрером, который вдруг сразу стал одним из любимейших моих художников. Вполне оценил и Вашего El Greco. Две его картины (одна есть еще в Дрездене, но пока я не мог ее найти) удивительны. Поражает его своеобразие. Ведь он непонятно отличается от всех художников своего времени! И только долго вглядываясь в некоторые картины Тинторетто, я уловил какие-то черты, представляющие собою как бы зародыш того, что потом развилось в картинах El Greco (но и здесь «дистанция огромного размера»). Этим наблюдением я горжусь, потому что пришел к нему совершенно самостоятельно, а потом уже прочел в каталоге, что El Greco был под влиянием Тинторетто.

Тогда же в Мюнхене испытал сильную потребность хоть немного освоиться с историей искусства. Одни непосредственные впечатления как-то меня не удовлетворяют в области живописи. Для меня это все-таки не то, что музыка.

После Мюнхена были мы в Нюрнберге, где провели два дня. Нюрнберг дал очень много впечатлений. Замечательный это город; замечательны его церкви, внутреннее их убранство; хорошо вечером сидеть в Бурге¹ или бродить по темным, узеньким улочкам, которые тянутся вдоль городской стены. Мы очень хорошо осмотрели Нюрнберг и теперь основательно его знаем. В дюреровском доме самое интересное, конечно, его рисунки и гравюры. Их можно смотреть и смотреть. Полонил мое сердце и современник Дюрера – скульптор Адам Крафт. Его работы из камня,

гробницы, барельефы, статуи – изумительны. По-моему, это огромный художник, очень своеобразный и сильный. Между прочим, были ли Вы в Нюрнберге?

После Мюнхена и Нюрнберга Дрезден показался малоинтересным. Мюнхен – красивее и бесконечно привлекательнее, Нюрнберг – своеобразнее и интересней. Но картинная галерея в Дрездене замечательная; пожалуй, интереснее Пинакотеки. «Сикстинская мадонна» не потрясла меня и не умилила. Впрочем, я не могу относиться к ней справедливо, непредубежденно. Мне очень мешает атмосфера, ее окружающая: толпа зрителей, благоговейная тишина и т. п. В той же галерее «Мадонна» Боттичелли, изумительный триптих Дюрера (с гениальнейшим святым Антонием)² волнуют и трогают меня гораздо больше, чем «Сикстинская мадонна». И вообще я сравнительно холоден к Рафаэлю.

Да! Когда смотришь на работы старинных мастеров, то чувствуешь, какая огромная разница между ними и новыми художниками. И мне думается, что разница эта не только в способе отношения к природе (непосредственное отношение у старых, литературное у новых), как настаивают Володя [Терентьев]³ и его друзья. В этом смысле, быть может новые французы и близки к старинным. Но есть еще что-то, что в моих глазах вырывает пропасть между французами и старыми мастерами. Для меня картины старых мастеров служат наглядным опровержением рассуждений Володиной школы. По-моему, в этих картинах огромное значение имеет не только как, но и что. О каждой из этих картин можно говорить по существу: трактовка сюжета, выражение того или иного лица – я не представляю себе, как переживать Дюрера, отвлекаясь от всего этого! Поэтому для меня главная разница между старыми и новыми заключается в том, что те и другие вносят в свое искусство от души своей. Мне кажется, что старые творили с совсем другим настроением, чем новые. У старых была глубокая вера в свое призвание, и эта вера давала им, с одной стороны, сознание власти (они писали картины как власть имеющие, с полным убеждением в своей художественной правоте), с другой стороны, чувство смирения перед вечной красотой, перед Богом, которому они служат. У новых – психология самозванцев: помазания за собой они не чувствуют, но тем они кичливей, тем больше их дерзость. И потому новые выявляют свою субъективность, старые – воплощают вечные ценности; новые предлагают нам свои искания (ищи, брат, сам и в тишине; когда найдешь что-нибудь порядочное, тогда и зови людей), старые дают решения, дают нечто непререкаемое, несомненное. Как это случилось, что именно в области живописи произошло такое грехопадение художников, и какая связь между этим изменением творческого настроения и техникой искусства – этого я объяснить не могу. Вообще, все это очень сложно, и мои смутные мысли – только слабые попытки разобраться в своих впечатлениях.

Из Дрездена мы 2/15-VII проводили в Россию маму, а сами с Наташей поселились в местечке Rathen an der Elbe, в 40 минутах езды по жел[езной] дор[оге] от Дрездена. Здесь мы провели 6 дней, завтра уезжаем отсюда, проедемся по Эльбе до чешской границы, а затем вернемся в Дрезден, где будем ждать известий от папы. Мы

до сих пор еще не знаем наверное, выберется ли он за границу, когда и где мы с ним увидимся. Эта неопределенность несколько портит наше настроение, а то было бы совсем хорошо.

Саксонская Швейцария нам очень понравилась. Внутри она гораздо лучше, чем снаружи, т. е. с парохода. Здесь много чудесных прогулок, прекрасный лес, красивые, широкие виды – и на всей природе очень своеобразный отпечаток. Это совсем не похоже ни на Швейцарию, ни на Тироль (о последнем сужу по виду из окна вагона), ни на Кавказ. Природа здесь очень ласковая, но не сладкая и не игрушечная. Сейчас здесь только слишком много немцев, а то было бы совсем хорошо. Немцы в большинстве довольно безнадежны, надо им отдать справедливость!

В общем, я чувствую себя очень хорошо и пока очень доволен путешествием. В Ратене приятно было пожить вдвоем с Наташей. Мы так редко бываем вместе, что возможность проводить вместе целые дни, много беседовать, обмениваться впечатлениями очень меня радует.

Недавно получил письмо от Богословского. Он пишет, между прочим, о вашем посещении Братцева⁴. Каким Вам показался Богословский? На многих он производит неприятное впечатление своей наружностью католического патера, своим доктринерским тоном и резким, скрипучим голосом. Но это впечатление очень внешнее и потому ошибочное. Он очень хороший человек и кое-что тяжелое, что в нем есть, объясняется болезненным его состоянием. Нервы у него очень расшатаны, и это иногда сказывается.

О русских делах я имею некоторое представление, потому что изредка читаю русские газеты. Или покупаю их, или хожу в Дрезденскую русскую читальню (имени Чупрова). За время нашего пребывания в Ратене два раза ездил в Дрезден и оба раза был в этой читальне. Вот чего я давно не видел, так это «Крестьянского дела». Перед редакцией «Кр[естьянского] д[ела]» чувствую я себя виноватым и очень виноватым. Хотел даже писать покаянное письмо Дроздову, но потом решил, что я ответствен перед всеми вами, а отнюдь не перед Дроздовым. Речь идет о том, что я оставил без всякого ответа телеграмму М. В. [Шика] с просьбой о присылке статьи о Гончарове. Телеграмму получил я довольно поздно. Статьи о Гончарове у меня не было, написать ее я не мог в тогдашнем своем настроении, посылка телеграммы о том, что статьи не будет, почему-то показалась мне излишней. Надеюсь, что мой образ действий (очень некорректный, я с этим согласен) не поставил редакцию «Кр[естьянского] д[ела]» в безвыходное положение.

Вообще я как-то совсем отбился от «Кр[естьянского] д[ела]» и думаю, что отбился на целое лето. В теперешних условиях моей жизни мне крайне трудно заниматься журнальной работой. Напишите мне подробно, как обстоят дела с журналом, кто ведает делом в Москве, работаете ли Вы для журнала, каковы последние номера и т. п. Я же обещаюсь усердно исполнять свои обязанности по журналу с осени.

С осени непрерывно надо будет наладить дело. «Крестьянское дело» не представляется мне главным моим занятием, я не чувствую себя призванным к деятельности народного писателя, но я думаю, что если всегда дожидаться своего главного дела, того, к которому безусловно призван, то мало что сделаешь. Надо пользоваться и теми конкретными возможностями, которые дает жизнь. И вот, каковы бы ни были наши с Вами главные дела, все-таки они еще в области предположений, намерений, проектов, а «Крестьянское дело» существует, это реальный факт, как бы там ни было. Сейчас это единственное общественное дело, в которое мы можем внести свое, которое мы можем направить в ту или другую сторону. Кажется, было бы грешно не воспользоваться этой возможностью. Напишите мне, что Вы об этом думаете.

Как то сложится наша московская жизнь в эту зиму? До чего все будет иначе, чем раньше! Определились ли планы Шаховских? Наверное ли они будут все жить в Москве? Как Ваши планы? Нет ли опасности, что Вы измените Москве⁵? Для меня это было бы большим огорчением. Как представляет себе будущую зиму Михаил Владимирович [Шик]? Что думает он делать, кроме отбывания воинской повинности? Я, вероятно, буду жить на Кудринской площади в доме Курносова. Сниму там комнату, чтобы быть поближе к Богословским, у которых хочу пользоваться пансионом с роялем.

Как Нина устроилась с пением? Или она также забросила его на летнее время, как я – свою музыку? Пишите мне про Шаховских. Как здоровье Анны Николаевны? Где сейчас Дмитрий Иванович? Где Ильинские и что о них слышно? Где Сережа Ольденбург?

Все, что Вы пишете в Вашем письме, глубоко мне понятно, дорого и близко. Я думаю так же, как Вы. И большая для меня отрада иметь в Вас единомышленника в таких основных вопросах. И я жду для себя религии в Вашем широком смысле этого слова. Так же, как Вы, я чувствую, что эта религия не придет сама собой, что много надо здесь душевных усилий, напряжения воли и лучших наших чувств. Пугает меня эта задача. Слишком поздно начинаю я над собой работать. Слишком много мне придется одолевать одновременно. Иногда кажется мне, что без некоторого аскетизма, без отказа от очень и очень многого мне не удастся достигнуть той высокой цели, которую я себе ставлю. И вот не знаю, хватит ли у меня воли и решимости для такого аскетизма. Слишком манит меня к себе жизнь, слишком мало жил я в прошлом непосредственной жизнью. Иной раз приходят в голову более утешительные мысли: что ни от чего и не придется отречься, что не удастся совместить жизнерадостность с достаточно высоким строем души. Когда я бываю прав, не знаю.

Надо кончать это так растянувшееся письмо. Теперь буду ждать письма от Вас. Пишите мне в Дрезден до востребования. Если я уеду из Дрездена до получения Вашего письма, мне его перешлют.

Как-то у Вас сейчас на Волге? Иногда меня вдруг очень потянет в Россию, на Волгу, к Вам. Я не мог бы долго жить за границей. Во всяком случае, мне это было бы

тяжело. Чувствую, что скоро начнется у меня сильное тяготение к Москве, к скорейшему возвращению на родину, ибо Москва – теперь подлинная моя родина.

До свиданья, дорогой Гуля! Крепко целую Вас и Михаила Владимировича [Шика]! Всем Шаховским передайте сердечный мой привет – так же, как и Нине. Если Поля с Вами, то и ей кланяйтесь. Наташа шлет Вам поклон. Любящий Вас. М. К.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 46-51.

1. Нюрнбергский замок, в состав которого входят крепость бургграфа, императорский замок и крепость города Нюрнберг.
2. Упомянуты «Мадонна с младенцем и со св. Иоанном Крестителем» итальянского живописца Сандро Боттичелли (1445–1510) и «Дрезденский алтарь» А. Дюрера.
3. Терентьев Владимир Герасимович (1894–1968), родной брат И. Г. Терентьева. Окончил 3-ю харьковскую гимназию (1912), юридический факультет Московского университета (1916). С 1914 параллельно занимался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. С 1916 учился в Михайловском артиллерийском училище (см.: ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 326. Д. 1956). Участник Белого движения. Эвакуирован в Константинополь, затем жил в США. Тренер по лаун-теннису.
4. Подмосковная усадьба, принадлежавшая директору Исторического музея князю Николаю Сергеевичу Щербатову.
5. Имеется в виду переезд Г. В. Вернадского в Петербург, где в 1913 г. он был избран приват-доцентом по кафедре русской истории Петербургского университета.

Дрезден, 21 июля / 3 августа 1912 г.

Большое Вам спасибо, дорогой Гуля, за Ваше письмо, в котором Вы так подробно отвечаете на мои бесконечные вопросы.

Очень огорчило меня известие о смерти Сонечки. До глубины души жаль бедную Полю, которая так ее любила. Хотелось бы как-нибудь выразить Поле свое сочувствие, да боюсь, что не найду нужных слов. Если Вам не трудно будет, скажите Поле от моего имени, что я очень огорчен смертью Сонечки и сильно сочувствую ее горю. На словах это передать легче, чем написать в письме.

Скоро уже две недели, как мы живем в Дрездене после Саксонской Швейцарии. Завтра мы, наконец, отсюда уезжаем. 17/30 приехал сюда папа, и наши планы окончательно определились в таком виде: отсюда мы едем в саксонский курорт Bad Elster, где папа будет лечиться. Пробыдем мы там 3 недели, а оттуда поедem через Прагу (в которой, вероятно, задержимся дня на 2) в Россию. Тем и кончится наше заграничное путешествие; на большее у нас денег не хватит. Закончим мы наше лето в имении у Новомейских (наши хорошие знакомые) в Гродненской губ. Попадем мы туда в

середине русского августа. Оттуда папа и Наташа уедут на Кавказ, а я – в Москву. Приеду я в Москву между 5 и 10 сентября.

Мы с Наташей очень довольны, что папу послали в Bad Elster, а не в Karlsbad. Во-первых, это более скромный и тихий курорт, а во-вторых, там, кажется, хорошие окрестности. К Дрездену мы, в конце концов, очень привыкли, вжились в него, и теперь он нравится нам гораздо больше, чем нравился вначале. Я бы охотно попал сюда еще раз, только в другое время года.

Мне было приятно прочесть о том, что Вам понравился Богословский и что вы с ним «зацепились друг об друга». А Валю Михайлову¹ жалко, если, действительно, она стала такою, как Вы ее описываете. Думаю, что видите Вы правильно, что она действительно такая. Мне это обидно, потому что, сам не знаю почему, у меня с образом Вали Михайловой связаны какие-то хорошие воспоминания. Знаете, бывают такие беспредметные воспоминания, воспоминания о чем-то хорошем, чего никогда и не было.

Вы ничего не написали мне о зимних планах Шаховских. Или они еще не определились? О Дмитрие Ивановиче и его роли на книгопродавческом съезде знаю по русским газетам. Я их здесь систематически читаю. Очень часто думаю о Шаховских, о Наташе и Ане² в особенности, часто хочется написать им, но удерживает страх, что то, что я могу написать им, о чем я могу написать, для них совсем не нужно и неинтересно.

О том, что Сережа Ольденбург за границей, я не имел ни малейшего представления. Один ли он ездит? Где Сергей Федорович? Кстати, где ваши? С Сережей мы, конечно, не увидимся, но я, может быть, напишу ему в Toblach.

Ильинские хорошо устроились, рад за них. А имели ли Вы что-нибудь от Всеволода Александровича [Кудрявцева]³? Ведь он где-нибудь недалеко от меня. Спросите также Михаила Владимировича [Шика], где его мать и сестра и где Лева⁴. Вот Вам опять целый ряд вопросов.

До 5/18 августа можете писать мне по адресу: Sachsen, Bad Elster, Postlagernd, Herr M. Carpowitsch, а потом мой адрес будет такой: Кобрин, Гродненской губ., Ея Прев[осходительству] Марии Сергеевне Новомейской, для М. М. Карповича. В сущности, мы очень скоро с Вами увидимся: через каких-нибудь шесть-семь недель. И я мечтаю о зиме, и так сильно хочу, чтобы она была для меня лучше, счастливей, плодотворней всех прошлых зим!

Я увлекаюсь сейчас идеями Жак-Далькроза⁵. Школа его находится под Дрезденом в местечке Hellerau. К великому моему огорчению я опоздал в Дрезден, приехал сюда уже после школьных празднеств в институте Далькроза, так что мне не удалось посмотреть ни упражнений, ни внутреннего устройства института. Но даже и внешний вид школы производит сильное и своеобразное впечатление (я был в Hellerau два раза). Здесь я достал и прочел 1-ую книгу ежегодника школы «Der Rhythmus».

Чтение это произвело на меня очень сильное впечатление. Теперь я убежден в том, что дело Далькроза – не «пустяки», выдуманные эстетом Волконским⁶, а очень большое и настоящее дело, интересное не только для специалистов-музыкантов, но для всех людей, которых занимают основные вопросы культуры и воспитания. Я надеюсь основательнее заняться вопросами, которые вызывает у меня теория Далькроза; вероятно, буду говорить еще с Вами об этом не один раз. Поэтому сейчас, когда я еще слишком взволнован первыми впечатлениями, не хочу подробно высказываться. Очень может случиться, что никто из вас не разделит моего увлечения. Мысли Далькроза о том, что психические способности человека могут быть также систематически развиваемы, как мускульная система, что такая «дисциплина ощущений», развитие способности восприятия в личности есть единственная задача настоящей школы, что наша современная школа с ее «бесплодным интеллектуализмом» есть одно сплошное недоразумение – все это слишком задевает меня за живое, слишком близко подходит к вопросам личного моего существования – и именно к тем, которые у меня сейчас на очереди. Поэтому, вероятно, я так и отозвался на мысли Далькроза. Может показаться, что мысли эти не новые. Но, по-моему, Далькроз высказывает их по-новому, очень по-особенному и говорит как нельзя более вовремя. Для меня Далькроз – одно из самых ярких проявлений стремления современной человеческой души к оздоровлению нашего быта, к устранению чего-то глубоко ненормального, имеющегося в нашей культуре.

Поразительна также та сила воодушевления, которую носит в себе и которую передает окружающим этот человек. Не только в первые годы, когда создавалась система (она была создана совместно учителем и учениками, создана буквально «шаг за шагом»), но и теперь, в годы признания и успеха, в школе Далькроза царит, по-видимому, атмосфера постоянного воодушевления и творческой радости. Одного этого факта достаточно, чтобы остановиться перед Далькрозом почти с изумлением. Где у нас такие школы?

«Учитель должен быть вдохновлен и должен вдохновлять учеников» - говорит Далькроз. Всякий учитель! А наши-то учителя? Чем они вдохновлены и кого могут вдохновить? И право, не так уж нелепо было бы бросить все свои занятия, пойти к Далькрозу и сказать ему: «Учи меня чему угодно, но только дай приобщиться к Вашей радости, к Вашему воодушевлению».

Однако, я против воли расписался о Далькрозе. Пока приходится вообще отложить письмо – до Bad Elster⁷ а.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 61-63 об.

1. Возможно, Михайлова Валентина Николаевна, дочь Н. Ф. Михайлова, с 1914 г. жила в Лондоне.

2. Шаховская Анна Дмитриевна, княжна (1889–1959) – дочь кн. Д. И. Шаховского. Окончила женскую гимназию в Ярославле с золотой медалью (1907), естественное отделение физико-математического факультета Высших женских курсов В. И. Герье в Москве (1912). Занималась литературной работой; в

1918–1922 г. зав. музеем Дмитровского края, в 1938–1943 г. – референт В. И. Вернадского, затем – хранитель Кабинета-музея В. И. Вернадского в Институте геохимии и аналитической химии АН СССР.

3. Кудрявцев Всеволод Александрович (1885–1953) – пасынок историка А. А. Кизеветтера; математик, в дальнейшем профессор Московского университета.

4. Шик Лев Вольфович (Владимирович) (р. 1888) – брат М. В. Шика. Учился в 5-й московской гимназии (1906), на юридическом и историко-филологическом факультетах Московского университета (1906–1912). В 1913 допущен к сдаче экзаменов в историко-филологической испытательной комиссии Московского университета в качестве экстерна (ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 1870).

5. Жак-Далькроз Эмиль (фр. Emile Jaques-Dalcroze; 1865–1950) – швейцарский композитор и педагог, создатель системы музыкального ритмического воспитания. В 1910 г. организовал «Школу музыки и ритма» в Хеллерау (близ Дрездена), в 1915 г. – Институт Жак-Далькроз в Женеве. Согласно его теории музыкальный ритм должен быть не объяснен и усвоен, а «телесно пережит», реализован в движении.

6. Волконский Сергей Михайлович, князь (1860–1937) – театральный режиссер и критик, возглавлял Курсы ритмической гимнастики Жак-Далькроз в Петербурге.

Тифлис, 27 июня 1913 г.

Дорогой Георгий!

Только теперь собрался ответить на твое хорошее письмо, полученное мною почти месяц тому назад. Все, что ты пишешь, очень мне близко и понятно и лишний раз заставило меня обрадоваться тому, что многое мы переживаем и чувствуем одинаково. Но было у меня и другое чувство: ощущение той разницы, которая есть между нами. Твое письмо прозвучало для меня (конечно, совершенно против твоей воли) некоторым моральным укором, который я принял, как вполне заслуженный мною. То отсутствие «особенной бодрости», которое наблюдается у меня, та грусть, которая время от времени ко мне возвращается, – где источник всего этого? Надо сознаться – только в том, что я слишком предан «земному», а ведь земное – суета сует и томление духа. Томление духа – это и есть самое точное определение моего душевного состояния, и я особенно сильно ощутил это когда читал твое хорошее, спокойное письмо. Я не хочу сказать, что ты совершенно свободен от всякого томления и достиг вершин спокойствия. Конечно, этого нет. Но ты несравненно больше меня вооружен против этого томления духа, тебе легче с ним справиться, ты – сильнее меня. Ты, вероятно, не представляешь себе, в какой степени я в плену у собственной своей личности, как трудно дается мне все общее. А ведь все личное постепенно умирает, это неизбежно. Отсюда – томление духа, с которым часто нет сил справиться.

Пойми меня. Я говорю о личном в самом узком смысле, о том интимном начале нашего существа, которое раскрывается в любви – влюбленности, которое расцветает в

молодости и отцветает вместе с приходом зрелости. Говоря об этом начале как о личном по преимуществу, я, конечно, не думаю отрицать того, что личность наша раскрывается и, может быть, более полно – и в любви к людям, и в любви к природе, и в творческой работе. Конечно, она раскрывается там более полно и, главное, более прочно. Конечно, любовь к людям больше и выше, чем любовь к женщине. Но есть период жизни, когда наша малая личность, наша малая любовь может быть нам дороже, желанней, чем наша большая личность и большая любовь. Ведь не пустое же слово молодость! Молодость это, в сущности, жестокая вещь. Молодость отдает нас во власть чувствам, которые по существу своему осуждены на умирание. Те, кто сильнее, проходят через это испытание спокойней, сдержанней, а слабые едва справляются с томлением духа. Мне очень трудно с ним справляться. Когда это чувство обостряется, мне становится грустно, и бодрость покидает меня. Меня томит мысль, что молодость моя проходит без любви, без личного счастья, что тот запас нежности, который я ношу в себе, пропадает зря, никому на свете ненужный, что чуда не случится, что я ни в кого не влюблюсь, и никто в меня не влюбится, что так я и отцвету.

Напрасно я говорю себе, что вся жизнь у меня еще впереди, что настоящая, большая жизнь начнется лишь тогда, когда я стану совсем зрелым человеком. В этом нет никакого утешения. Я сравниваю себя с фруктовым деревом. Смысл этого дерева, конечно, в плодах, и, может быть, они будут очень сочными. Чтобы эти плоды появились, дереву надо отцвести, но разве не больно смотреть, как падают на землю цветы, один за другим, один за другим? И вот представь себе у этого дерева живое самоощущение. Вероятно, радостней всего живет ему тогда, когда оно цветет. Стоит все в цветах, благоухает, и страстно ждет кого-нибудь, кто бы пришел полюбоваться им и взять от него всю нежность этого расцвета. Но вот время проходит, никто не идет, и цветы понемногу начинают осыпаться. Дереву становится больно. Вспомни теперь, что дерево цветет каждой весной, а человек – только раз в жизни, и ты поймешь мое чувство. Временами это чувство так обостряется, что о другом и думать трудно. И потому всяким проблескам молодости в своей жизни начинаешь придавать преувеличенное значение. Иной раз отлично сознаешь, что другому будет совершенно непонятно, почему ты так ценишь то или другое чувство, ту или другую встречу. Этой зимой я увлекался одной девушкой, в которой, кажется, нет ничего замечательного. Встречались мы с ней очень редко, всегда в большом, шумном и неинтересном обществе, ни разу не вели никакого значительного разговора. Моя нежность к ней оказалась ненужной, так что, вероятно, мы никогда больше не увидимся. Я, в сущности, не знаю, что она за человек, совсем не знаю. И, несмотря на это, было время, когда встречи с ней были мне всего дороже. И сейчас еще я не могу без волнения вспоминать о том, как она улыбается и как при этом светлеет все ее лицо. И вот теперь все это становится воспоминанием. Знаешь, это очень больно. А ведь ничего, в сущности, и не было!

Да, и это, и многое другое когда-нибудь, и, вероятно, очень скоро, станет воспоминанием. Много цветов уже осыпалось с бедного дерева. Дай мне срок,

осыпятся и остальные. Тогда я стану спокойнее, проще; буду жить добро и мужественно, и личное не будет заслонять от меня общего.

А сейчас отказаться от личного во имя победы над томлением духа – право, сил нет! Я чувствую себя созданным для идиллии личного счастья, и все верится в чудо, все кажется, что судьба меня побалуует. И так тянет меня к этому личному счастью, что, кажется, все бы отдал за него. Вероятно, в эпоху гонений на христиан я был бы из числа тех малодушных, которые из боязни пытки и из любви к жизни отказывались от своей веры. И думаю, что это мне было бы прощено. Я исповедую утешительную веру в то, что божественная любовь не знает справедливости. Справедливость – это человеческое понятие, слишком человеческое – жалкая арифметика! А солнце божественной любви светит одинаково и злым, и добрым, и сильным и слабым, и тем, кто преодолел томление духа, и тем, кто пал его жертвой. Но, конечно, падать все-таки не надо. Не знаю почему, но чувствую, что не надо. Так что ты за меня не бойся.

Сегодня приезжает из России Наташа. 1-го мы едем на дачу, где я начну готовиться к экзаменам. Весь этот месяц ровно ничего не делал, прожил очень бессодержательно. Очень обрадовался приезду Ани Шаховской. До чего было странно встретиться с ней в Тифлисе! Она осталась недовольна съездом и довольна Тифлисом. Вероятно, она Вам напишет. Сейчас она, вероятно, уже на Военно-осетинской дороге. Напиши мне о том, как вам живется в Полтавской губернии, какие там места и какие люди. Пиши мне пока по тифлисскому адресу. Кланяйся своим. Передай сердечный привет Нине. Целую тебя. Твой М. К.

P.S. Какие непонятные ужасы творятся на Балканах¹! Неужели разгромят Болгарию?

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 98-101 об.

1. Имеются в виду события начала Второй Балканской войны.

[Около Тифлиса], 30 июля 1913 г.

Дорогой Георгий!

Пишу тебе после месячного перерыва. Твое письмо из Полтавской губ. я получил своевременно, но, как видишь, только теперь собрался ответить тебе. С начала июля я живу здесь, на даче. Это в горах, недалеко от Тифлиса, в имении Ониковых (помнишь Наташину подругу Елену Константиновну?). Место здесь очень хорошее, красивое. Меня радуют здесь широкие виды и мягкие очертания окрестных гор. И все же здешняя природа меня не удовлетворяет, в ней мало свежести. Уже в начале июля трава и листва на деревьях блекнут, на всем лежит печать увядания. Это очень неприятно. Поэтому лучше всего бывает здесь вечером, когда воздух становится прозрачным, краски свежими и нежными. Очень хороши и лунные ночи. Люди здесь

простые и милые, но близких для меня нет. Днем я занимаюсь, вечером хожу на поляну (это здешний клуб) и развлекаюсь, как могу. Настроение у меня хорошее, бодрое. «В надежде славы и добра гляжу вперед и без боязни»¹.

Занятия мои идут достаточно успешно. С большим удовольствием повторил курс русской истории (особенно к XVII веку почувствовал живейший интерес). Между прочим, нашел много любопытных частных в курсах Любавского². Все-таки он неглупый, совсем не глупый человек!

Тяготит меня несколько неопределенность положения. Я до сих пор не знаю, состоятся ли экзамены или же нет. Если состоятся, мне около 15-го надо уже уезжать в Москву. Если же не состоятся, я могу пробыть на Кавказе до середины сентября. И в том, и в другом случае я попаду в Петербург только в октябре. Если экзаменов не будет, я особенно огорчаться не стану. Не все ли равно, в конце концов?

21 июля праздновал я свой 25-летний юбилей. По этому поводу подводил некоторые итоги и пришел к заключению, что последнее пятилетие дало мне очень много хорошего, и что грешно мне жаловаться на судьбу. Все-таки я еду в Петербург, имея кое-что за душой. Между прочим, к моему юбилею явился сюда Негг Berger³. Он и сейчас гостит здесь. В нашу дачную жизнь он внес большое прибавление. Гуляем мы здесь очень мало, почему-то ни у кого нет особенного желания гулять. Зато играем в теннис, и хотя все играем как сапожники, все же увлекаемся игрой.

Поздравляю тебя с избранием в земские гласные. Очень интересно будет послушать твои рассказы о земских впечатлениях. Недавно мне писал Кирпичников⁴ о своих личных впечатлениях. И у него тоже ощущение бодрости и живой жизни от провинциальной, земской России. Это очень хорошо! Это очень отрандно!

Между прочим, в редакции «Колоса»⁵ опять кризис. [А. А.] Павлов покидает пост секретаря (не знаю почему), Муратов⁶ уходит из редакционного комитета (т. к. очень занят своими - более для него важными делами), я уезжаю в Петербург, на Михаила Владимировича и Наталью Дмитриевну [Шиков] плохая надежда. Кирпичников готов сделать «Колос» своим главным делом и стать фактическим редактором журнала. Но Мих[аил] Вл[адимирович] и Нат[алья] Дм[итриевна] не хотят этого, боятся этого редакторства и предлагают пригласить кого-нибудь со стороны. Против последнего энергично возражает Кирпичников, заявляя, что при постороннем нашему кружку редакторе он не находит себе места в редакции. Словом – кризис. Я в этом споре становлюсь на сторону Кирпичникова. Я не считаю его идеальным редактором, не закрываю глаз на его слабые стороны, но думаю, что М[ихаил] В[ладимирович] и Н[аталья] Д[митриевна] их преувеличивают. Я считаю, что опыт с каким-нибудь X, Y, Z со стороны является более рискованным, чем опыт с Кирпичниковым, которого мы все же несколько знаем. Наконец, нельзя же игнорировать его положительные качества: его активность, бодрость, горячее отношение к делу, работоспособность. Как ни как, такие люди не каждый день встречаются. Если бы еще у нас был выбор, а то ведь мы вообще бедны людьми. Словом, я за Кирпичникова. Между прочим, летние номера «Колоса» очень приличны и дают ощущение наладившегося и растущего дела.

Эти дни я очень расстроен известиями о Бухарестском мире⁷. Я давно не испытывал такого чувства жгучей обиды от политических событий. Я вспоминаю те чувства, которые я испытывал после Цусимы⁸ (тогда они были, конечно, сильнее).

Вместе с разгромом Болгарии рушатся какие-то, как оказалось, очень дорогие для меня, затаенные мои мечты. Я почти никогда не думал по вопросу о славянстве, о Ближнем Востоке, но оказывается, какие-то смутные чувства, почти инстинкты, жили в

моей душе, и вот теперь они задеты. Очень обидно (я самым конкретным образом ощущаю эту обиду) сознавать и то, что Россия оказалась бессильной повлиять на балканские события, что даже турки, румыны, греки (даже сербы!) имеют возможность с ней не считаться. Сегодняшние столичные газеты со статьями об условиях мира расстроили меня почти до слез.

Пиши мне в Тифлис, дорогой Георгий. Как хорошо, что вы в Петербурге будете так близко жить от меня! Мама уезжает из Тульской губ. в Петербург в начале августа. Вероятно, ты увидишься с ней раньше, чем я.

Целую тебя. Передай мой сердечный привет Нине и твоим. Наташа и Herr Berger кланяются вам с Ниной. Твой М. К.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 12-15.

1. Из стихотворения «Стансы» (1828) А. С. Пушкина (1799–1837).

2. Любавский Матвей Кузьмич (1860-1936) - историк, ректор Московского университета (1911–1917).

3. См. прим. 76.

4. Кирпичников Георгий Александрович (1889-1920), редактор журнала «Колос». Сын историка литературы, член-корреспондента Императорской академии наук и декана историко-филологического факультета Московского университета (1899-1902) А. И. Кирпичникова (1845–1903). Окончил 7-ю московскую гимназию в память имп. Александра III (1908). В 1908-1913 учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета (ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 322. Д. 782). В годы Первой мировой войны служил в Земгоре. Участник Белого движения. Начальник контрразведывательного отделения штаба командующего войсками Новороссийской области, убит.

5. Общедоступный иллюстрированный двухнедельный журнал. Выходил в 1913 г. под редакцией Г. В. Вернадского, с № 3 – Н. В. Розенфельда. С 1914 г. журнал носил название «Новый колос».

6. Муратов Михаил Васильевич (1892–1957) – книговед, историк, писатель. В 1920-1931 гг. преподавал в вузах Иркутска и Москвы историю книжного дела.

7. На мирной конференции в Бухаресте, завершившей Вторую Балканскую войну, 10 августа 1913 г. был подписан договор между Болгарией, с одной стороны, и Румынией, Сербией, Черногорией, Грецией - с другой. Потерпевшая поражение Болгария потеряла часть своей территории в пользу Румынии.

8. Поражение Российского флота в морской битве с японцами (14-15 мая 1905) в Цусимском проливе.

Москва, 26 апреля 1914 г.

Дорогой Георгий!

Спасибо тебе большое за письмо, на которое сейчас не сумею как следует отозваться. Ты просишь меня писать побольше и почаще, но пока – во время экзаменов – я вряд ли сумею исполнить твою просьбу, хотя очень часто хочется обменяться с тобой мыслями и поделиться впечатлениями.

Экзамены пока проходят благополучно. Письменные работы написал без труда и обе, кажется, недурно. По всеобщей истории писал «Отношения между Церковью и государством в древнем Египте», а по русской - «Рост монархической власти в Московском и Литовско-русском государствах». Вчера благополучно сдал древнюю историю. Виппер был очень мил, спрашивал мало и легко (отвечал я ему политические идеи Цицерона и принципат Помпея, и кое-что по Востоку). В прошлом году я в это время был уже утомленным и с плохими нервами, а сейчас чувствую себя бодрым и

спокойным. Поэтому твердо надеюсь на благополучный конец испытаний. Следующие экзамены у меня – 2-го (средн[ие] века), 13-го (новая ист[ория]), 21-го (русская ист[ория]), 24-го (филос[офия]), 30-го (славяне).

Видел в университете Володю [Терентьева]. Он писал свои сочинения в одном помещении с историками. Сидел впереди всех, на особой скамье, и тему ему дали на особом листочке. Почему-то было очень успокоительно и весело взглядывать на него время от времени, и он – присутствием своим – немало помог мне быстро и легко кончить обе работы. А Лева Шик экзаменов не держит, отложил. Говорит, что не успел подготовиться. Сахновского¹ не видел и нового ничего о нем не слышал. Не знаю, соберусь ли к нему зайти, найдется ли время и охота.

Кирпичникова видел раз (был в редакции). В журнале все по-прежнему. У Кирпичникова все дипломатия! Он взял на себя провести меня в комитет. Пусть проводит, а я пока не имею времени интересоваться «Колосом».

В Москве мне очень хорошо. Я никогда не жил в Замоскворечье, а здесь оказалось удивительно хорошо. Так тихо, так спокойно, так радостно, что никакой городской суеты не чувствуешь. Суди сам. Живем мы в одноэтажном доме, перед окнами почти дачный двор². Из калитки выйдешь в переулок, извозчика никогда не встретишь, а трамвайных звонов не слышно. Посмотришь кругом и сразу увидишь несколько церквей. И все старенькие, маленькие – и одна другой красивее. А вместе с тем квартира удобная, с телефоном, и до трамвая, который быстро довозит тебя до центра города, недалеко.

Живем мы хорошо. Хозяева квартиры уехали, и мы трое (т. е. Игорь³, Володя [Терентьевы] и я) чувствуем себя здесь очень просто и свободно. Терентьевы тоже готовятся к экзаменам. Они милые и утешают меня. Очень мне хотелось бы, чтобы ты их как-нибудь узнал и оценил. Послезавтра я еду на полдня в Крюково, к Шуре [Ольденбург]. Тогда напишу.

Целую тебя крепко. Шлю тебе и Нине сердечный привет. Часто и много о вас вспоминаю. Мне с вами этой зимой бывало очень хорошо. До свиданья, мой милый. Пиши. Твой М. К.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 115-116 об.

1. Сахновский Василий Григорьевич (1886–1945) – театральным режиссер, театровед, педагог. Одноклассник Г. В. Вернадского по 5-й московской гимназии. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1910). С 1912 г. работал в Студии Ф. Ф. Комиссаржевского. В 1922–1926 гг. художественный руководитель Московского драматического театра, а затем заместитель директора МХАТ по художественной части. Репрессирован в 1941/1943 г.

2. М. М. Карпович жил по адресу: Пятницкая ул., Слоущенский пер., 9.

3. Терентьев Игорь Герасимович (1892–1937) – поэт и театральный режиссер, авангардист. Окончил 3-ю харьковскую гимназию (1910), юридический факультет Московского университета (1914) (ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 326. Д. 1957). Женат на родной сестре М. М. Карповича – Наталье, в 1916 г. у них родилась дочь Татьяна. С 1930 г. жил в Днепропетровске, где был главным режиссером театра им. Шевченко. Был арестован по ложному обвинению, расстрелян. См.: Следственное дело Игоря Терентьева (1931) / Публ. С. В. Кудрявцева // Минувшее: Ист. альманах. Т. 18. – М.; СПб., 1995. С. 533–610.

Мцхет, 6 июля 1914 г.

Дорогой Георгий!

Прости мне мое долгое молчание. Часто думал о тебе и о Нине, а не писал потому, что хотелось побеседовать с тобою как следует, чему в Тифлисе мешали жара и суета. Никак не могу понять, почему в этом городе такая нервная жизнь. Вероятно, в самой природе тифлисской скрываются какие-то таинственные силы, которые действуют на психику возбуждающе и расстраивающе. Очень рад был проверить свое впечатление впечатлением свежего человека. Миша Калашников¹ женился и привез жену в Тифлис. Она раньше никогда не бывала в Закавказье. И вот она жаловалась, что очень плохо чувствовала себя в Тифлисе. «Здесь природы нет», – говорила она, и это верно. Природа эта производит впечатление чего-то ненастоящего. А люди, которых она встречала на улицах, ее пугали. И это впечатление я понимаю. Здесь, на Кавказе, надо уходить высоко в горы – там хорошо. А в общем, ну его к Богу, весь этот «юго-восток».

Сейчас я живу на даче, где сравнительно хорошо. Мцхет – это древняя столица Грузии (со старинным собором) – место действия лермонтовского «Мцыри» – место слияния Арагвы и Куры – последняя станция Военно-грузинской дороги перед Тифлисом. Кругом здесь много красивого и интересного, но чтобы проникнуться всем этим, надо много ходить, подобрав компанию. Подбирать компанию и много ходить (все в гору, все в гору!) мне сейчас не хочется. Мне очень хорошо у нас на балконе, который всегда продувается прохладным ветром. С балкона вижу железнодорожное полотно, поезда, бегущие с милого севера в сторону южную или обратно. Горы, поворот Куры. Перед дачей садик, в нем молодые тополя, две акации, мимоза – очень красивая, абрикосы. Хозяин наш – почтовый чиновник и теософ. Каждый день ездит в Тифлис на службу, а вернувшись, начинает кому-нибудь проповедовать, и мне проповедовал. В разгар проповеди говорит жене: «Верочка, дай Библию» и ищет тексты. А потом говорит о соседях, обещает познакомить с дамами и барышнями, устроить пикники, прогулки – и тогда становится очень веселым и милым.

Мы живем здесь вдвоем с тетей Машей². Папе пока нельзя уехать из Тифлиса, т. к. он сейчас заменяет начальника дороги. Наташа уехала недавно в Россию, сначала в Екатеринослав к Елене Константиновне [Ониковой], а оттуда в Павловск, к маме. Я

мало ее видел и не знаю, как ей сейчас живется, – а вид у нее плачевный, давно не была она такой худой и бледной. Зимой она будет по-прежнему жить в Тифлисе.

Мама пока очень недовольна Павловском. Там стояла небывалая жара, кругом горели леса и торфяные болота, и в воздухе стоял дым. Надо надеяться, что это удовольствие не будет очень продолжительным.

Чувствую я себя хорошо. Заниматься пока не начал и не знаю, буду ли летом систематически заниматься. Что-то не хочется пока. Привез с собою книги по филологии и по древней русской литературе. Вряд ли много успею сделать в этой области. Весною в Москве виделся с Лукьяновским³, который ездил в Петербург брать программу для экзаменов. Ему дали очень легкую и удобную программу, и это меня окрылило. Я думаю сделать так. Осенью сговорюсь только относительно литератур, русской и западной, а филологию и славистику оставлю до весны. Зимой буду заниматься литературами по взятой программе, а филологией и славистикой – предварительно, под руководством Гольдмана⁴. Весною, несколько войдя в курс дела, поеду разговаривать с Шахматовым и с Лавровым⁵.

В Москве вел я беседы относительно Народного университета⁶ и «Русских ведомостей». Почему-то очень горячо отнесся ко мне Плетнев⁷. Советовал идти и в Народный университет, и в «Русские ведомости». О Народном университете я решил поговорить с Сахновским, и с ним у меня вышла курьезная история. При разговоре по телефону он меня сначала не узнал, не мог вспомнить, где и когда мы с ним встречались, вообще был холоден и как будто враждебен, но под конец беседы смягчился и стал настаивать, чтобы я к нему зашел. При личном свидании был очарователен, говорил, что надо меня втащить и в Народный университет, и к Шанявскому⁸, и еще куда-то, просил меня летом ему писать, а осенью непременно к нему зайти и т.д. Он все тот же, также держится, также говорит. Лекционной деятельностью очень доволен, педагогическую мечтает бросить и сделает это, если получит место помощника хранителя театрального Бахрушинского музея, о чем сейчас хлопочет. Осенью выпускает две книги: 1) сборник рассказов «Захолустье», 2) книгу статей об Островском.

А я в Народный университет все-таки не пойду. Чувствуется мне, что там очень специфическая аудитория, приспособляться к которой не имею ни малейшей охоты. Чувствую еще, что сплоченная корпорация лекторов (их там больше, чем нужно) встречает каждого нового человека с опаской и с недоверием, и что наладить там личные отношения довольно трудно. Неприятен мне и тот сентиментально-демократический дух, который там, по-видимому, господствует. Не тянет меня туда, одним словом. Вот к Шанявскому – другое дело. Но туда, вероятно, очень трудно попасть.

Серьезно подумываю о «Русских ведомостях». Содействие обещают Эфрос⁹ и Плетнев. Но и здесь кое-что смущает. Не хочется идти окольными путями. Хочется

сразу начать писать о литературе, а Плетнев почему-то настаивает на том (из каких-то тактических соображений), чтобы я начал с публицистики. Перед моим отъездом передал мне формальное предложение Иорданского¹⁰ написать отсюда о кавказских общественных настроениях¹¹. И лестно, и интересно – но, вероятно, не напишу. Войти в суть вопроса, как следует, времени не имею. А действовать по-газетному (посетить несколько общественных деятелей, прочесть две-три газетных статьи) – охоты нет.

Предисловия для Кнебеля¹² тоже пока не пишу. Но здесь задержка не от меня исходит. Все это дело почему-то задержалось. Жду письма от Эфроса.

Душевно меня сейчас занимают вот какие дела:

- 1) Щербатовские письма. Не знаю, выйдет ли из них что для печати, но перебирать их приятно.
- 2) Статья для «Русской мысли» - о молодежи с 1904 по 1914 г., нечто вроде политической автобиографии. Не знаю, сумею ли написать, а очень хочется¹³. Никому (кроме Нины) об этом не говори, потому что если и напишу, то буду выступать под таинственнейшим псевдонимом.

Для «Колоса» тоже писать не хочется. Кирпичников в Москве показался мне чужим и далеким. В редакции тоже не без демократического сентиментализма. При этом всеми способами выживают Костенецкую¹⁴, которая судорожно цепляется за власть. Организационный кризис не прекращается, а по существу журнал не развивается, и временами перестаешь понимать, для кого и для чего он издается. Я имел несчастье обещать им статью о Чехове¹⁵, и вот писал ее в Тифлисе с невероятным трудом и написал, кажется, плохо.

Бергер подбивает меня хлопотать о месте в Историческом музее¹⁶, где предстоит новое расширение штатов. Пожалуй, стану хлопотать, потому что такое место дало бы мне независимость и возможность заниматься тем, чем хочу, и писать то, что хочется, и так, как хочется. Но только вряд ли я это место получу. Постарше меня найдутся. Не знаешь ли случайно каких-нибудь ходов в Ист[орический] музей?

Привез сюда с собою Мицкевича, хочу вообще усовершенствоваться в польском языке. Может быть, на обратном пути в Россию заеду в Ленкорань к папиной мачехе, там надо будет говорить по-польски. А в Шишаки¹⁷ я определенно не попаду. Раньше 15-го августа мне отсюда никак нельзя будет уехать, а около 20-го вас уже, вероятно, в Малороссии не будет. Да если бы Вы там и были, это выйдет очень уж мимолетное свидание. Я около первого сентября хочу непременно быть уже в Москве. Вероятно, увидимся уже в Петербурге во второй половине сентября.

Пиши больше о себе и о Нине, дорогой Георгий. Чувствую по твоим письмам, что вам живется очень хорошо в ваших хороших местах. Как все твои себя чувствуют? Приехали ли Гревсы¹⁸, Корниловы? Какие еще люди живут поблизости? Не слышали ли чего о Шуре [Ольденбург]? Я о ней с начала июня никаких вестей не имею. Тогда мне

написала Мария Дмитриевна [Ольденбург], что Шура в Саки и что она, М[ария] Д[митриевна], едет к ней.

Шура так далеко ушла от меня (а может быть, и я от нее ушел), что временами наша встреча кажется мне сном, и трудно уверить себя в том, что действительно мы были одно время так близки. И если бы мне сказали теперь, что Шуры нет, то, вероятно, я принял бы это как что-то естественное и даже мне известное. Ничего я во всем этом не пойму и, вероятно, думать об этом мне было бы тяжело и страшно, если бы не то, неизвестно откуда взявшееся спокойствие, которое я сейчас в себе ощущаю.

Мысль моя прыгает, и я вспомнил сейчас о твоём решении отказаться от учительства. Я твоего учительства как-то не чувствовал и никогда ему особенного значения не придавал. Всегда мне казалось, что это дело не для тебя – даже когда ты им так увлекался. Поэтому теперешнее твоё решение могу только приветствовать. Да раз ты, обдумавши, на это решился, значит, оно, действительно, так и нужно. А мне лишнее предостережение – по мере возможности не браться за это дело.

Что ты знаешь о Шаховских и Мише Шике, об Ильинских? Я ни о ком из общих знакомых ничего интересного сообщить не могу. Впрочем, виноват: забыл про Гурку¹⁹. Он с треском подвизался в Тифлисе и в других городах Кавказа в мае и июне. Читал лекции – одну о грузинской культуре, где доказывал, что культура эта сплошь восточная и что историческое несчастье Грузии в том, что она, принявши христианство, неестественно оторвалась от Востока, а другую - о белой опасности. Восточные народы были в восторге, носили Гурку на руках, раскупали его карточки (на открытках). Гурко решил стать разъезжим лектором, носить белый жилет и небрежную причёску, выставил у фотографа портрет свой с подписью «В. А. Гурко, известный московский лектор».

В стиле его выступлений Наташа [Шаховская] устроила ему «овацию». Заказала лавровый венок с надписью на лентах: «Льву и защитнику Востока», и венок этот поднесли ему на лекции одновременно со старинной персидской шашкой. Публика, кажется, кричала «ура».

Надо кончать не в меру растянувшееся письмо. Буду ждать от тебя письма, дорогой Георгий! Целую тебя крепко. Нине шлю сердечный привет. Кланяйся от меня всем знакомым. Твой М. К.

Адрес прежний: Тифлис, Андреевская, 16

P.S. Знаешь ли чеховский рассказ «В овраге»? Какая прелесть! И какая изумительная вещь «Архиерей»!

1. Калашников Михаил Георгиевич (1886–1969) – двоюродный брат М. М. Карповича, сын Нины Викентьевны Калашниковой (ур. Карпович, р. 1856), архитектор, заслуженный деятель искусств Грузии (1947). Окончил Академию художеств в Петрограде (1916), всю жизнь работал в Тифлисе-Тбилиси, с 1957 г. жил в Москве. В первом браке женат на Софье, во втором – на вдове философа В. Ф. Эрн Евгении Давыдовне Эрн (ур. Векилова, 1888–1974). Его воспоминания о годах юности см.: Калашников М. Г. Минувшее / Публ. К. Ясновой // «Новый Журнал». 2005. Кн. 241; 2006. Кн. 242.
2. Лицо не установлено.
3. Лукьяновский Борис Евгеньевич (1887 – не ранее 1927) – историк литературы. Окончил 1-ю московскую гимназию (1906), историко-филологический факультет Московского университета по славяно-русскому отделу с дипломом первой степени (1912; ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 283). Сотрудник «Русского филологического вестника».
4. Гольдман Борис Леонидович (1887–1957) – педагог, библиотечный работник. Председатель правления Тульского отделения Общества народных университетов.
5. Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – филолог-славист, действительный член Императорской АН; Лавров Петр Алексеевич (1856–1929) – филолог-славист, член-корреспондент Императорской АН.
6. Имеется в виду Народный университет Московского общества народных университетов, где основным контингентом учащихся были рабочие.
7. Плетнев Борис Дмитриевич (1888–1934) – правовед, в дальнейшем профессор Ярославского университета.
8. Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского учрежден по инициативе и на средства золотопромышленника, отставного генерал-майора А. Л. Шанявского (1837–1905). Имел два отделения – научно- популярное и академическое. В университете преподавали многие ушедшие в 1911 г. из Московского университета профессора и преподаватели (Н. К. Кольцов, А. Е. Ферсман и др.).
9. Эфрос Николай Ефимович (1867–1923) – журналист, театральный критик.
10. Иорданский Николай Иванович (1876–1928) – журналист, публицист, социал-демократ. Редактор журнала «Современный мир».
11. Статья написана не была.
12. Кнебель Иосиф Николаевич (1854–1926) – издатель и книгопродавец, основатель первого в России специализированного издательства по изобразительному искусству.
13. Такая статья в «Русской мысли» не была опубликована.
14. Костенецкая Алина И. - беллетристка, пайщица журнала «Колос / Новый колос».
15. Карпович М. М. Памяти Чехова (К десятилетию со дня его смерти) // «Новый колос». 1914. № 13. С. 308–310.
16. В 1914 г. был принят и получил Высочайшее утверждение закон об установлении дополнительного штата Императорского Российского исторического музея имени Императора Александра III в Москве, в соответствии с которым музеею дополнительно разрешалось иметь 11 сотрудников, штат музея составил 30 сотрудников.
17. Село в Полтавской губ., где в 1913 г. В. И. Вернадский приобрел усадебный участок и где в летние месяцы стали собираться его родные, друзья и коллеги. В последнее мирное лето 1914 г. здесь отдыхали семьи Вернадских, Гревсов, Корниловых.

18. Семья историка-медиевиста, профессора Петербургского университета Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). Его супруга – Мария Сергеевна (ур. Зарудная; 1860–1941) – педагог, двоюродная сестра Н. Е. Вернадской.

19. Гурко-Кряжин (наст. фам. Гурко) Владимир Александрович (1887–1931) – историк-востоковед. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1912). Член президиума Научной ассоциации востоковедения и зам. редактора журнала «Новый Восток» (1922–1928), с 1928 г. профессор Ленинградского университета.

Михет. 20 июля 1914 г.

Дорогой мой Георгий!

Большое тебе спасибо за письмо, очень меня обрадовавшее. Сейчас хочется поговорить с тобою о многом, и потому приготовься к довольно длинному письму.

Прежде всего хочется поделиться с тобою своими мыслями и чувствами о войне. В душе у меня по этому поводу большая смута. В отношении к славянству и к немцам нет той цельности, которая была во время Первой балканской войны¹. Сейчас через это отношение прошла раздваивающая трещина, и я чувствую себя, в сущности, растерянно.

Когда начался австро-сербский конфликт, я никак не мог найти в себе достаточную долю сочувствия к сербам. Во-первых, сараевское убийство² вызвало во мне живейшее сочувствие к Габсбургам, ко Францу-Иосифу, к детям эрцгерцога. Во-вторых, я не могу (быть может, несправедливо) простить сербам болгарского несчастья.

Теперь положение вещей осложнилось вмешательством России, и мы как будто накануне великого столкновения славян с немцами. Но я не чувствую в себе славянского энтузиазма, не чувствую потому, что ощущаю славянство раздробленным. Как забыть о болгарях, которым, быть может, выгоднее вместе с австрийцами бить нас и сербов? Как забыть о поляках, которым это, наверное, выгоднее и положение которых, в случае войны, будет трагичным?

А потом, мысль о европейской войне как-то не вмещается в мою голову. Когда воюют на одном из Востоков – Дальнем, Ближнем или Среднем – то кажется, что тем людям и в тех местах сам Бог велел воевать. Но трудно представить себе, что будут бить друг друга англичане, французы, немцы, трудно вообразить себе бомбардировку Лондона или Берлина. Невозможным кажется такое потрясение культурного быта. А с другой стороны, чувствуешь, что всякие пацифистские рассуждения бессильны, беспочвенны. Чувствуешь, как действуют какие-то исторические стихии, которые мы можем только смутно и с покорностью разгадывать.

В войну не верится, а кругом все говорят о ней. Днем и ночью едут мимо нас воинские поезда, везут артиллерию. Все остальные поезда отменены, кроме одного почтового, который едет переполненный, так что пассажиры стоят толпами в коридорах и на площадках. В поезде, идущем из Батума, много «беглецов»: с побережья спешно уезжают массажи. Рассказывают об осадном положении в Батуме, о мерах предосторожности на море. В Тифлисе, куда я иногда езжу, по улицам ходят запасные, встречаются заплаканные женские лица, слышатся разговоры о знакомых, которых «взяли в солдаты». На вокзале расположились бивуаком солдаты, ожидающие отправления (больше всего войск отправляют пока на Карс, но второй корпус по слухам пойдет на западную границу).

Все это непривычно и волнует каким-то двойственным волнением: то страшно делается, то вдруг чувствуешь какую-то непонятную острую радость от сознания, что начинается что-то огромное, неизбежное, знаменательное.

Не знаю, чувствуется ли у вас в такой же мере мобилизация и все с нею связанное, но здесь весь воздух стал другим, и мы живем в совсем особенной атмосфере. Заставляю себя быть спокойным и стараюсь не изменять сложившегося здесь образа жизни.

По-прежнему живем вдвоем с тетей Машей (папа теперь и думать не может о переселении сюда) очень мирно и уединенно. Больше прежнего гуляем – и бывают минуты, когда я примираюсь со здешней природой. Здесь попадаются чудесные места. А не так давно мы видели удивительный по красоте закат. Тогда я готов был взять назад все свои слова о неподлинности здешней природы. Вероятно, природа всюду природа, надо только уметь к ней подойти с надлежащей стороны.

Понемногу занимаюсь. Статья о молодежи пока дальше плана не продвинулась. Не тороплюсь. Когда надо будет, захочется писать. Я с радостью замечаю в себе отсутствие писательского зуда. Мне очень трудно решиться что-нибудь писать, таким это мне кажется серьезным и ответственным делом. Я думаю, что для меня это к лучшему – если только свойство это не разовьется в нечто болезненное, чего, как будто, не приходится опасаться. Думаю, что это свойство помешает мне сделаться газетным работником, и это, может быть, тоже к лучшему. На «Русские ведомости» (после того, как там была помещена непристойная статья Разумника об Айхенвальде³, и после того, как поэт-модернист Ходасевич, допущенный в «Р[усские] в[едомости]»), стал в своих заметках хвалить Надсона⁴) и я не особенно рассчитываю. Кавказских писем для них, во всяком случае, писать не стану. Не знаю я этих дел, а если бы и познакомился с ними, то, вероятно, не мог бы написать того, что было бы мне желательно. Ведь пришлось бы хвалить инородцев, а они, вероятно, вызвали бы во мне чувства, аналогичные твоим великорусским переживаниям в Малороссии. Твои и Нинины чувства мне глубоко понятны. На вашем месте я чувствовал бы также.

С большим интересом читал все это время курсы по древней русской литературе (Петухова, Сперанского, Пыпина, очень хорошая справочная книга Петухова⁵!). Даже сквозь нудное и безвкусное изложение Пыпина и Сперанского видно, какой это интересный сюжет. Пока дошел до XV в., т. е. до московского периода. Ознакомился с киевским и «переходным северо-восточным» периодами. Замечательно интересны: 1) апокрифы 2) «Слово о полку [Игореве]» 3) летописи 4) жития.

С увлечением читал о работе Тихонравова над «Словом» и Шахматова над «Летописью»⁶. Вот бы так над чем-нибудь поработать! Укрепляюсь в намерении магистриваться. Писал ли я тебе о том, что Толя Бергер подбил меня начать хлопоты о получении места в Историческом музее, где ожидается новое расширение штатов? Меня такое место, конечно, очень устроило бы. Без особенной надежды на успех начал свои «хлопоты» - написал письмо одному из «архивных юношей» С. С. Игнатову⁷ с просьбой сообщить мне точные сведения о новых штатах и о том, где и как надо хлопотать. Сам Бергер тоже хлопочет о таком месте. Если я получу это место, я не буду нуждаться ни в «Русских ведомостях», ни в «Колосе». Кирпичников зовет меня в «дополнительное» товарищество «Нового колоса», которое он хочет составить из себя, Мануйлова, Орлова, Гальперина и Нуси⁸ (под вопросом); конечно, в такую кооперативную компанию не пойду. Надо будет на днях писать ему большое «откровенное» письмо. Новость о Нусе и Ал[ександре] Павл[овиче] [Левицком]⁹ меня ошеломила. Боюсь, что Кирпичников укрепится теперь в мрачном антифеминизме. Недаром в его последнем письме Нуся уже стоит под знаком вопроса!

Письмами Щербатова занимаюсь очень умеренно. Изредка в них вчитываюсь, делаю себе кое-какие отметки, но к переводу французских писем не приступал. Я далеко не уверен в том, что их можно печатать. А зря переводить не хочется. Хотел бы посоветоваться с тобой об этом деле. Увидимся мы с тобою, очевидно, в Петербурге в середине октября. Я думаю двинуться в путь в середине августа. По дороге в Россию заеду, вероятно, в Ленкорань к папиной мачехе (самоучитель польского языка уже лежит у меня на столе). В Москву приеду в самом конце августа. Там, вероятно, скрещусь с Наташей [Шаховской], устроюсь на новой своей квартире (у Палибиных¹⁰), обживусь немного и уеду на вторую половину сентября в Петербург. С октября начну оседлую зимнюю жизнь в Москве. С тобою мы, конечно, будем часто видеться. Я буду приезжать в Петербург, ты будешь приезжать в Москву – не правда ли? Я, по крайней мере, утешаюсь этой мыслью.

Я занялся давно мною намеченными разысканиями о своих предках¹¹. Выясняю свою генеалогию и собираю семейные предания. Очень это интересно и много может дать, если систематически этим делом заняться. Занятной показалась мне мысль, что число предков у каждого человека, по мере передвижения вглубь прошлого, растет в арифметической прогрессии:

Дед №1 (по отцу)

Дед №2 (по матери)

Прадед №1 – №2

Прадед №3 – №4

№1, 2

№3, 4

№5, 6

№7, 8

Прапрадедов уже 8! А прапрапрадедов уже 16! Целая компания презанятных старичков. Но до них, конечно, уже не доберешься. Я поставил своей целью выяснить личности всех моих восьми прапрадедов, живших на рубеже XVIII и XIX вв. Пока выяснил четырех прапрадедов с отцовской стороны – и посмотри, какая компания получилась:

- 1) Литовский помещик из-под Белостока Онуфрий Карпович.
- 2) Переселившийся в Польшу саксонский офицер Цейтлебен (в Польше его называли Зетлебан), похитивший из родительского дома аристократку Глоговскую, позднее – сподвижник Костюшки, кончивший свои дни в Сибири.
- 3) Грузинский князь Иосиф Туманов, состоявший в свите одного из последних грузинских царей. По семейному преданию, он вышел невредимым из двенадцати боевых схваток, а вернувшись из какого-то похода домой, слезая с лошади, нечаянно задел курок своего пистолета и был убит наповал собственной же пулей.
- 4) Наконец, грузинский купец Меликов (или Мелик-Мамиконов), торговавший в Индии.

Не правда ли, занятное общество?

Спасибо тебе за сообщения об общих знакомых. Очень рад за Мишу Шика, что разделался со столь ему ненавистной варшавской коммерцией и что он доволен Петербургом. Значит, в сентябре я его увижу. А как интересно будет читать Наташину [Шаховская] статью о Чехове! Только, что же это она все хворает! Принялась бы уж она основательно за свое лечение, а то, не дай Бог, запустит болезнь. А здоровье такая великая вещь для человека – и для близких его.

Спасибо за сведения о Шуре [Ольденбург]¹². Пиши мне о ней все, что будешь узнавать и дальше. Других источников сведений о Шуре у меня нет. Очень мне за нее страшно – и тем страшнее, что я чувствую на себе долю ответственности за ее судьбу. Но об этом мне писать очень трудно.

Рад я за тебя, дорогой Георгий, что тыходишь все больше и больше в дела масонские¹³. Почему бы мне могло показаться смешным твое заявление о том, что ты нашел свою область? Наоборот, я охотно верю этому. И очень меня радует то, что твоя область будет сравнительно недалеко от моей вероятной области. А то в Сибири¹⁴ ты был так далеко от меня! Как много и как хорошо можно будет говорить с тобою осенью в Петербурге!

Сейчас подумал о нашей жизни, о своей судьбе, о твоей, и захотелось выписать одно место из чеховского рассказа «В овраге» – поразившие меня слова мудрого человека, случайно встретившегося Липе в поле. «Жизнь долгая, – будет еще и

хорошего, и дурного, всего будет. Велика матушка Россия! – сказал он и поглядел в обе стороны. – Я во всей России был и все в ней видел, и ты моему слову верь, милая. Будет и хорошее, будет и дурное... Вот и помирать не хочется, милая, еще бы годочков двадцать пожил; значит, хорошего было больше. А велика матушка Россия! – сказал он и опять посмотрел в стороны и оглянулся». Сейчас кажется мне, что это про нас сказано.

До свиданья, дорогой Георгий. Целую тебя крепко. Пиши: Мцхет, ст. Закавказской железной дор[оги], дача Устинова. Сердечный привет Нине и всем твоим.

Мама, Наташа, Леля сейчас в Павловске. Иван Платонович¹⁵ в Кисловодске, лечится. Всего вам светлого. Твой М. К.

[P. S.] Сейчас соседи по даче кричат, что будто бы объявлена война. Надо идти на вокзал проверять известие.

Если доплатил за письмо, то 1) прости, т. к. нет лишней марки; 2) напиши, чтобы я знал, сколько таких листиков на марку полагается.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 122-125.

1. Война стран Балканского союза (Болгария, Греция, Сербия, Черногория) против Османской империи в сентябре 1912 – мае 1913 г.
2. Убийство в Сараево 28 июня 1914 г. наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены сербским националистом Г. Принципом, послужившее поводом к началу Первой мировой войны.
3. Иванов-Разумник В. Силуэт г. Айхвенвальда // «Русские ведомости». 1914. 21 июня. С. 2-3. В статье критиковались работы литературного критика Ю. И. Айхенвальда (1872-1928), низко оценивающие наследие В. Г. Белинского.
4. Ходасевич В. А. Куприн и Европа // «Русские ведомости». 1914. 26 июня. С. 5. Надсон Семен Яковлевич (1862-1887) – поэт.
5. Петухов Е. В. Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. - Юрьев, 1911; Пыпин А. Н. История русской литературы: в 4 тт. - СПб., 1911–1913; Сперанский М. Н. История древней русской литературы. - М., 1914.
6. Тихонравов Н. С. Слово о полку Игореве. - М., 1868; возможно: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. - СПб., 1908.
7. Игнатов Сергей Сергеевич (1887-1959) – старший помощник библиотекаря Исторического музея, в дальнейшем – известный литературовед, театровед.
8. Мануйлов Александр Александрович (1888-1956) – экономист, сын ректора Московского университета, экономиста А. А. Мануйлова (1861-1929); Орлов А. С. и Гальперин В. И. - сотрудники журнала «Новый колос»; Нуся - Левицкая (ур. Герценштейн, во 2-м зам. Игумнова) Анна Михайловна (1888 - ок. 1986) – дочь убитого в 1906 г. депутата Государственной думы М. Я. Герценштейна. Ее муж – Левицкий Александр Павлович (1878-1942) – агроном, растениевод, почвовед; дальний родственник Вернадских. Ответственный редактор журнала «Новый колос». С 1920 г. председатель Московского областного управления по опытному делу Наркомзема РСФСР, позже - зам. директора Института удобрений. В 1930 арестован и выслан в Казахстан. Погиб в годы Второй мировой войны.

9. Имеется в виду венчание.

10. Семья Палибиных проживала в доме № 8 по Малой Грузинской улице. Надежда Евгеньевна Палибина (ур. Преснякова, 1865 – после 1936) – родная сестра матери М. М. Карповича. Ее муж Николай Николаевич Палибин - инженер Корпуса путей сообщения, земский начальник 2-го участка Алексинского уезда Тульской губ. Один из издателей с 1903 г. еженедельного журнала «Железнодорожник». Их дочери: Людмила (р. 1890) – окончила отделение всеобщей истории историко-философского факультета московских Высших женских курсов В. И. Герье с дипломом 1-й степени (1915; ЦГАМ. ЦХД до 1917. Ф. 363. Оп. 4. Д. 18820)., автор журнала «Колос» (см. ее статьи: Странник Г. С. Сковорода // «Колос». 1913. № 5. С. 109-112; М. Е. Салтыков-Щедрин // Там же. 1913. № 20. С. 478-481); Ольга – см. прим. 22.

11. О генеалогии семьи Карповичей подробнее см. в упомянутых воспоминаниях М. Г. Калашникова.

12. В результате осложнений после простуды А. Ф. Ольденбург оказалась прикованной к креслу.

13. Имеется в виду подготовка магистерской диссертации «Русское масонство в царствование Екатерины II» (Пг., 1917).

14. Намек на интерес Г. В. Вернадского к истории Сибири и ее хозяйственного освоения в XVI–XVII в.

15. Ямпольский Иван Платонович (ум. 1919) – второй муж М. Е. Карпович; генеральный комиссар Всероссийской кустарной выставки (СПб., 1913).

Москва, 14 октября 1914 г.

Дорогой мой Георгий!

За ту неделю, которая прошла со времени твоего отъезда из Москвы, произошло много событий разной значительности. Мы прочли в газетах о том, что убит Логинов, муж Лели Палибиной¹. За Лелю очень страшно. Она совсем больна, у нее начинается туберкулез, сообщить ей сейчас о смерти мужа невозможно, а долго скрывать это от нее будет очень трудно. Сейчас она в Кисловодске с Надеждой Евгениевной [Палибиной], которая выехала к ней ввиду ее болезни еще до получения известия о смерти Логинова. Девочки остались на моем попечении. Слава Богу, они переживают это несчастье спокойно. Все продолжают делать свои обычные дела, ни растерянности, ни уныния в них незаметно. Очень они хорошие и внутренне крепкие.

Мои обстоятельства выяснились. От Шляпкина² получил ответное письмо с согласием на мою программу, т. е.: 1) былины 2) повести XVI–XVII вв. 3) Державин 4) Лермонтов. «Последний», конечно, в связи с байронизмом в русской литературе. Всунул-таки! Ну, да все равно. Байронизм так байронизм! Не так уж страшно.

В «Новом колосе»³ я все-таки оказался «Жофвром»⁴ в конце концов. Выяснилось, что Александр Павлович [Левицкий] лишен права быть редактором (ответственным), и все пайщики сошлись на моей кандидатуре (я, оказывается, понравился и Костенецким, и Усову⁵). Итак, я буду даже подписывать своим именем номера «Колоса». Не могу сказать, чтобы занятие это – само по себе – казалось мне привлекательным. Во-первых, не такой я «колосиный» человек, чтобы украшать страницы этого журнала своим именем. «Колос» для меня, конечно, только временное

местопребывание. Во-вторых, по нынешним временам быть ответственным редактором периодического издания довольно хлопотно. Ведь и здесь существует военная цензура. Но, как бы то ни было, я уже согласился. И согласился потому, что звание ответственного редактора дает мне, конечно, очень большую фактическую власть и большое моральное право на хозяйничанье в журнале – в литературной части дела. А эта возможность показалась мне заманчивой. Приятно будет писать о войне и обо всем, что с нею связано, и приятно будет иметь хоть и небольшой, но все же определенный заработок. Первый номер должен выйти в конце этого месяца. Но не знаю, успеем ли мы его приготовить в две недели. В нем будут статьи: 1) передовая (о войне вообще) – моя 2) фельетон о Бельгии – мой 3) война и народное хозяйство – Левицкого 4) война и общественная самодеятельность – Сорокина 5) заметка о Лермонтове – Костенецкой 6) обзор военных событий – какого-то юноши⁶.

Тебя мы очень просим написать нам ко второму номеру статью-фельетон о Польше⁷. Я себе представляю эту тему так: история разделов Польши (вкратце), судьбы Польши в XIX в. – поляки в Австрии, в Германии, в России, чаяния поляков и русско-польские отношения (все это, конечно, в цензурных пределах), перспективы. В общем, статья должна представлять собою комментарий к воззванию Главнокомандующего⁸, каковое следует привести целиком.

Котляревский, между прочим, авторитетно опровергает слухи о том, что воззвание написано Струве и Львовым⁹. Оба они принимали участие только в окончательном редактировании текста, написано же воззвание (это «по секрету») Григорием Трубецким¹⁰.

Как видишь, у меня с Котляревским уже завязались отношения. Я встретился и разговорился с ним на заседании Религиозно-философского общества, и он позвал меня к себе. Я у него был, и мы довольно много говорили о политике. Между прочим, спорили по украинскому вопросу. Котляревский считает необходимым уничтожить украинские кафедры во Львовском университете, а я доказывал ненужность и опасность такого поступка. Все-таки Котляревский не идет так далеко, как Струве, который, оказывается, считает необходимым введение преподавания на русском языке (исключительно) даже в начальной школе.

Я в «Русских ведомостях» читал отрывки из статьи Струве об украинской культуре (из «Б[иржевых] в[едомостей]»)¹¹ и огорчился легкомысленному ее тону. У меня по этим отрывкам получилось такое впечатление, как будто Струве нарочно дразнит украинцев резкостью и категоричностью своих суждений. Затем он как-то валит в одну кучу притязания на самостоятельную государственность и на самостоятельную национальную культуру, все это в равной степени считает «вздором» и зовет с этим бороться, тогда как совершенно ясно, что нельзя ставить на одну линию политический сепаратизм и желание народа культивировать свой язык.

Котляревский зовет меня в Общество славянской культуры¹², откуда выживают Ефимовского¹³, куда вступили теперь Дмитрий Иванович [Шаховской] и Кокошкин¹⁴, и где предполагается поставить на обсуждение польский, украинский и сербо-болгарский вопросы. Я охотно вступлю в это общество.

На заседании Религиозно-философского общества было не так интересно, как могло бы быть. Но все же было кое-что любопытное. Доклад Эрн был возмутителен по своей легкомысленности и фельетонности¹⁵. Но надо сказать, что Эрн стоял особняком в этот вечер (что совсем не было подчеркнуто в корреспонденции Эфроса в «Речи»¹⁶). Разве только Булгаков¹⁷, которого я не слышал, но который, по рассказам, действительно развивал ту же славянофильскую точку зрения, оказал ему некоторую поддержку. Зато все остальные говорили – и очень искренно – об общечеловеческом смысле войны. Наибольший успех имели [Е. Н.] Трубецкой¹⁸, говоривший очень трогательно, но на этот раз не сильно, и Вяч. Иванов¹⁹, мастерски продекламировавший, а частью даже разыгравший в лицах свой доклад. Сейчас я уже не сумел бы рассказать связно об этом докладе, но впечатление чего-то блестящего, остроумного, талантливое осталось.

Что ты думаешь о студенческих манифестациях? Меня они радуют – и тем большее воспринял я московские погромы, по времени (кажется, только по времени) совпавшие с этими манифестациями. Представь себе, в Москве много злорадствующих по поводу разгрома Эйнама²⁰. Очень хорошие и совсем не глупые люди склонны находить оправдания для «эксцессов», и на днях мне с Игорем Терентьевым пришлось выдержать целую баталию с довольно красноречивыми защитниками такой точки зрения. Не могу я этих чувств понять и, вероятно, никогда не пойму.

На днях получил открытку от Миши Шика. Тон открытки довольно грустный. Неопределенность близкого будущего, видимо, его угнетает. Он так пишет: «Моя задача – спокойно ждать того, что будет. Должен признаться, что эта задача не во всякую минуту легка». На днях напишу ему.

Пока до свиданья, дорогой Георгий. Пиши мне о себе, о Нине, о Петрограде, о своих масонах²¹. Когда напишешь статью, пришли ее по моему адресу. У редакции пока нет постоянного помещения. Целую тебя. Привет Нине. Твой М. К.

Р. S. К Гольдеру²² так и не собрался. Боюсь, что он уже уехал. Попробую сегодня позвонить ему.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 143.

1. Речь. Петроград. 1914. 8 октября. С. 3. В разделе «Убитые, раненые и пропавшие без вести» сообщалось о смерти подпоручика Николая Александровича Логинова.

2. Шляпкин Илья Александрович (1858–1918) – литературовед, профессор Петербургского университета, член-корреспондент АН (1907).

3. Общедоступный иллюстрированный двухнедельный журнал, издававшийся А. М. Герценштейн в Москве в 1914–1916 г. С 1915 г. выходил еженедельно. Главное внимание уделял вопросам сельского хозяйства и кооперации. В анонсах журнала сообщалось, что в его работе принимают участие И. А. Бунин, Г. В. Вернадский, А. В. Тыркова, Д. В. Философов, А. В. Чаянов, кн. Д. И. Шаховской и др. М. М. Карпович впервые обозначен как редактор «Нового колоса» в № 15/16 (1914 г.) и оставался таковым на протяжении 1915 г.
4. Жозеф Жак Сезер Жоффер (1852–1931) – генерал, командовал французскими войсками во время битвы на Марне (сентябрь 1914), сумел остановить их отступление, что в конечном счете сорвало немецкий план быстрой победы на Западном фронте.
5. Костенецкие Александр Григорьевич и Алина И. – пайщики журнала; Усов Павел Сергеевич (1867–1917) – терапевт, профессор Московского университета.
6. Упомянутые статьи опубликованы в журнале «Новый колос» (1914. № 15/16): Михайлов К.. Великая европейская война. С. 360–362; Левицкий А. Война и народное хозяйство. С. 362–365; Сорокин П. Война и общественная самодеятельность. С. 365–367; Костенецкая А. Памяти М.Ю. Лермонтова. С. 372–373; Сурин М. Обзор военных действий. С. 373–376; Карпович М.М. Бельгия. С. 384–385.
7. Вернадский Г. В. Судьбы Польши // «Новый колос». 1914. № 17/18. С. 392–395.
8. Имеется в виду воззвание Верховного Главнокомандующего к полякам (от 1/14 августа 1914 г.) с обещанием воссоединения Польши под скипетром русского царя.
9. Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) – правовед, профессор международного права Московского университета. Кадет; Львов Георгий Евгеньевич, князь (1861-1925) - прогрессист, министр-председатель первого Временного правительства (1917).
10. Трубецкой Григорий Николаевич, князь (1874–1930) – дипломат (посланник в Сербии), публицист.
11. Струве П. Австро-германское «украинство» и русское общественное мнение // «Биржевые ведомости». 1914. 29 сентября (№ 14402). С. 3. Отрывки из этой статьи, в которой Струве отказывал украинцам в «какой-то особой государственной и национальной культуре», были приведены в вышедшей 10 октября 1914 в «Русских ведомостях» статье депутата Государственной думы Я. К. Имшенецкого, посвященной украинскому вопросу.
12. Основано в Москве в 1908 г. Председатели – Ф. Е. Корш (1909–1911), А. Р. Ледницкий (с 1911). Среди членов – князь Е. Н. Трубецкой; В. И. Вернадский; С. А. Котляревский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шахматов и др.
13. Ефимовский Евгений Амвросиевич (1885–1964) – публицист, адвокат, общественный деятель. В 1908 окончил Московский университет, председатель студенческой фракции кадетов.
14. Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – правовед, профессор кафедры государственного права Московского университета, кадет.
15. 6 октября 1914 г. в Политехническом музее состоялось открытое заседание Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, посвященное начавшейся Первой мировой войне. С докладами выступали Е. Н. Трубецкой («Война и мировая задача России»), Вяч. И. Иванов («Вселенское дело»), С. Н. Булгаков («Русские думы») и др. Особую полемику вызвало выступление В. Ф. Эрна, читавшего свою работу «От Канта к Круппу» (см.: «Русская мысль». Т. 12, ч. 2. С. 116-124).
16. Н. Э. [Эфрос Николай Ефимович] Кант и Крупп (От нашего московского корреспондента) // «Речь». 1914. 9 октября (№ 272). С. 1-2.
17. Булгаков Сергей Николаевич (1871-1944) - религиозный философ, богослов, экономист.
18. Трубецкой Евгений Николаевич, князь (1863-1920) - философ, правовед, публицист.
19. Иванов Вячеслав Иванович (1866-1949) - поэт, философ, переводчик.

20. 10 октября 1914 г. в Москве вспыхнули стихийные выступления против немцев и австрийцев, вовлеченных в экономическую жизнь города. Было разгромлено и разграблено несколько продовольственных лавок и магазинов, принадлежавших немцам, в том числе кондитерские магазины Эйнема в Верхних торговых рядах и у Ильинских ворот.

21. Имеется в виду тема магистерской диссертации Г.В. Вернадского – «Русское масонство в царствование Екатерины II».

22. Голдер Фрэнк (Golder Frank Alfred; 1877–1929) – американский историк, первый директор Гугеровской Библиотеки русской революции в Стэнфорде (США).

Москва, 12 июля 1915 г.

Дорогой мой Георгий!

Давно следовало бы мне написать тебе, да все как-то не удавалось приняться за письмо. По приезде с Кавказа я не сразу угомонился: ездил еще в Тульскую губ. к Палибиным, потом здесь устраивался на лето, т. к. в зимней нашей квартире хаос и запустение. Недели три и пролетели незаметно в этих «занятиях».

Теперь я устроен. Снял комнату в квартире, быть может, известного тебе Н. А. Гейнике¹. Сам он на войне, но квартирой его ведают некие сестры Дилевские, очень милые. Они мне и сдали комнату. Между прочим, детство свое они провели частью в Шишаках и очень любят вспоминать это время.

Обедаю я у своих приятелей Рыбниковых², живущих очень близко отсюда. С ними же часто провожу вечера в «Эрмитаже», где сейчас происходят концерты Кусевицкого³. Иногда езжу за город, знакомых кругом Москвы оказалось очень много.

В [Историческом] музее бываю два раза в неделю. Там сейчас тихо и безлюдно, но дела у меня оказалось довольно много. Тарабрин⁴ уехал в отпуск, и я составляю и подписываю вместе с князем⁵ все бумаги. Не шути со мной! Щепкин⁶, который сейчас в Москве, полюбил приходить ко мне и беседовать со мной на самые разнообразные темы.

С Улановым⁷ относительно брошюр я уговорился окончательно так: от «Провинциального города» отказался, в первую очередь буду писать «Царскосельский Лицей», который я обещал дать ему в первых числах сентября. Затем буду собирать материалы для «Английского клуба», напоследок останутся «Арзамасцы». От них я, может быть, даже откажусь. Хватит с меня и двух брошюр⁸.

Чувствую себя сейчас хорошо: спокойно и бодро. На Кавказе я все-таки очень хорошо отдохнул за месяц абсолютного ничегонеделания. А та тревога, которая поднялась в моей душе в последние дни моего пребывания в Тифлисе, улеглась уже в дороге: ехал я по Военно-грузинской дороге на лошадях и соприкосновение с природой умиротворило меня. А в Москве я окончательно успокоился. Удивительно благотворно действует на меня этот город! Стоит мне въехать в Москву, как сейчас становится внутри тише, яснее. Так было и на этот раз.

Это не значит, конечно, что я отшатнулся от всех вопросов и сомнений. По-прежнему занимают меня мысли о том, что мне делать теперь и после войны. Но судьбу свою я обдумываю сейчас без нервозности, с ясной и трезвой головой. Так мне, по крайней мере, самому кажется.

Много думал я все это время о войне. Наша с тобою позиция – позиция «невмешательства» – стала представляться мне теперь неправильной. Мы так

рассуждали: самим нечего лезть вперед. Когда будет крайность и государство нас позовет, мы и пойдём. А до тех пор будем делать свое прежнее дело. Теперь эти положения заколебались. Оказалось, что на государство можно рассчитывать меньше, чем мы думали. И крайность как будто бы пришла.

Для того, чтобы принять радикальное решение: бросить музей и идти на военную службу (или в Союзы⁹, в отделы по снабжению армии снарядами) – у меня нет все-таки достаточной уверенности в необходимости такого поступка. Но отдать войне все время, остающееся от обязательного занятия, связанного с заработком, это и можно, и должно.

Беда только вот в чем. Насколько я могу судить, существующая у нас организация тыла не приспособлена к тому, чтобы использовать силы и время людей, находящихся в моем положении, т. е. могущих отдавать делу несколько послеобеденных часов ежедневно. До сих пор я получил только одно конкретное предложение – от С. А. Котляревского: с сентября, когда он вернется в Москву, помогать ему вести «Известия Главного комитета Всеросс[ийского] земск[ого] союза». Предложение очень лестное, дело – интересное для меня и дающее возможность общаться с людьми, для войны работающими. Но мне, признаться, хотелось бы чего-нибудь более непосредственно-военного. Временами я презираю свое гуманитарное образование и скорблю о том, что я не техник.

Напиши мне, мой дорогой, что ты об этом думаешь. Твое мнение для меня особенно ценно и важно. Наше с тобой положение упростится, если мы будем призваны в октябре, как об этом говорят. Об этой возможности думаю без всякого неудовольствия. Смущает меня только физическая моя неподготовленность. У меня есть даже мысль поступить пока в общество «Сокол»¹⁰. Как ты думаешь, будет ли это подготовкой для военного училища?

Много думаю я в последнее время также и о дальнейших своих занятиях. Не стану скрывать от тебя, что планы магистривания замутились в моей душе. Очень тяжело заниматься тем, что непосредственно мне не нужно, а мои экскурсии (очень, правда, робкие и беглые) в область филологии, кажется, убедили меня в том, что она мне не нужна. Война ли здесь виновата или что другое, но только сейчас я решительно не чувствую себя в силах преодолеть филологию. Никакого окончательного решения я не принял и сейчас принимать не буду, но уже мысли о возможности занятий историей литературы вне университета, сомнения в том, чтобы для историка новой литературы хоть что-нибудь могла дать университетская традиция, сомнения в ценности преподавания для научной работы в этой области – все эти мысли и чувства уже владеют мною временами. Об этом, конечно, когда-нибудь поговорим подробно. Я буду в Питере с 1-го по 15-ое сентября. Ведь тогда мы увидимся там с тобою?

Мама с Иваном Платоновичем в Царском [селе], у Гессенов. Sergius маме нравится, жена его¹¹ – не очень. 17-го я хочу поехать в Царское на неделю, от пятницы до пятницы, пропустивши музейский вторник.

На Кавказе у наших все благополучно. Игорь [Терентьев] в лагере, Наташа там же на даче. Туда же поехал теперь и Володя Терентьев. Игорь кончит училище в сентябре, вероятно.

Здесь, в Александровском училище учится сейчас Борис Васильевич Богословский. Я виделся с ним, и он рассказывал мне много поучительного про училище, про те главнейшие трудности, с которыми приходится нам, штатским («шляпам» по училищной терминологии), бороться. Нелегкое это, по-видимому, дело. Всего себя наизнанку выворачивать. Вероятно, иначе нельзя. Богословский проникнут

смирением и покорностью и ни на что не ропщет. Видел я и Мишу Шика. Пока он как будто бы связан с Москвой, т. к. назначен инструктором в резервном батальоне. Вид у него хороший, бодрый, здоровый.

Был у меня как-то Федя [Ильинский]. Один его рассказ приняли в миролюбивском «Ежемесячном журнале»¹². Успех его окрылил, и он помышляет теперь о том, как бы пристроить еще несколько своих рассказов.

Буду ждать от тебя письма. Пиши мне о себе, о Нине, о планах на зиму, о летней вашей жизни. Хорошо, вероятно, у вас сейчас на Псле! Временами мне очень хочется удрать в деревню. Может быть, я и удеру еще как-нибудь с Палибиным дня на три. Леля Палибина (т. е. Логинова) сейчас у своих. Легкие ее в хорошем состоянии, так что зимой она будет жить в Москве.

О смерти мужа она, оказывается, знала давно, но молчала. Как и откуда она об этом узнала – неизвестно. Заговорила о его смерти она сама уже в Ждамирове. Временами она бывает очень мрачна, временами расходятся сильно ее нервы, но в общем она оказалась более жизнеспособной, чем все ожидали. Быть может, помогает ей ее вера – она религиозна не менее своих сестер.

Кончаю писать, дорогой Георгий. Шлю сердечный привет тебе и Нине, целую вас. Имеете ли вы какие-нибудь известия от Шаховских? Твой М. Карпович.

Мой адрес: Долгоруковская, 29, кв. 70.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 6-8 об.

1. Гейнике Николай Александрович (1876–1955) – историк, педагог. Преподавал историю в московских гимназиях и училищах (1906-14), затем в МГУ и педагогических вузах. В 1915 г. жил на Малой Бронной, 15.
2. Возможно, Рыбников Александр Александрович (1877-1938) - экономист, эконом-географ круга А. В. Чайнова.
3. Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) – известный американский дирижер и композитор, русский эмигрант, основатель Бостонского симфонического оркестра и знаменитых музыкальных сезонов в Тенглвуд.
4. Тарабрин Иван Мемнонович (1876–1942) – историк, ученый секретарь Исторического музея в Москве (1905–1920).
5. Щербатов Николай Сергеевич, князь (1853–1929) – историк, археолог, директор Исторического музея в Москве (1909-1921).
6. Щепкин Вячеслав Николаевич (1863–1920) – славист, палеограф, историк искусства, основатель и заведующий Отдела рукописей и старопечатных книг Исторического музея в Москве. Профессор Московского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1913 г.).
7. Уланов Василий Яковлевич (1880–1919) – историк, литератор, автор научно-популярных статей по истории и методике ее преподавания в школе.
8. Обсуждаемые издания не состоялись.
9. Всероссийские Земский и Городской союзы.
10. Гимнастические общества, существовавшие во всех крупных городах России.
11. Минор Нина Лазаревна (1886–1944 (?))– супруга С. И. Гессена до 1936 г. Дочь известного невропатолога Л. С. Минора, внучка московского раввина С. А. Минора. Погибла в концлагере.
12. В «Ежемесячном журнале» (в 1914 г. – «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни»), издававшемся В. С. Миролюбовым в Петрограде, в 1915 г. в № 11 опубликованы два рассказа Ф. В. Ильинского – «Покос» (С. 87-94) и «Судьба» (С. 94–100), в 1916 г. – «Ефимка Горелов (Рассказ ямщика)» (№ 5. С. 79-84) и «Гармония (Пасхальный рассказ)» (№ 9/10. С. 126-130).

10 мая 1917 г.

Дорогой мой Георгий!

Мы доехали почти до Иркутска¹, в котором будем часа через два-три. До вчерашнего дня дорога была малоинтересной. Огромные ровные пространства, мало населенные, и только большие сибирские реки производят впечатление. Но после Красноярска стало очень красиво. Здесь большой лес и горы. Говорят, очень хорошо будет на Байкале. Дни идут незаметно, потому что у нас оказалось довольно много подготовительной работы. Я даже едва успеваю читать и говорить с Гольдером по-английски. Бахметев² очень мил, хотя кое-что в нем, т.е. в его идеях меня смущает. Очень неглупым и скорее симпатичным юношей оказался наш дипломатический секретарь Сукин³, который мне сначала не понравился. На линии здесь везде порядок, движение происходит нормально, самостоятельных республик мы не видели.

Целую тебя и Нину. Твой М. К.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 154.

1. Речь идет о чрезвычайной миссии Временного правительства в США для переговоров по вопросам финансирования и снабжения во главе с Б.А. Бахметевым (см. ниже).
2. Бахметев Борис Александрович (1880–1951), инженер-гидравлик, профессор Политехнического института в СПб. Во время Первой мировой войны занимался организацией поставок военного снаряжения и пр. для российской армии из Англии и США. В апреле 1917 назначен начальником Чрезвычайной миссии Временного правительства в США для переговоров по вопросам финансирования и снабжения с возложением на него на время пребывания миссии в США управления российским посольством в Вашингтоне и присвоением на это время звания чрезвычайного и полномочного посла. Видный общественный деятель русской эмиграции в США. Основатель в 1936 г. Гуманитарного фонда для поддержки культурной, научной и филантропической деятельности русских эмигрантов.
3. Сукин Иван Иванович – секретарь Бахметевской чрезвычайной миссии Временного правительства в США для переговоров по вопросам финансирования и снабжения (1917). Министр иностранных дел в правительстве А.В. Колчака (декабрь 1918 – август 1919). В эмиграции в США.

14 мая 1917 г., Владивосток

Дорогие мои Георгий и Нина!

Через час отплываем в Японию. В Токио пробудем три дня. Потом поедем на Ванкувер. Сейчас мне от всего этого весело.

Гольдеру придется пробыть во Владивостоке может быть семь-десять дней, потому что миссия запаздывает.

Целую Вас. М. Карпович.

ГАРФ. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 248. Л. 127.